

Ц Е Н А

П О Б Е Д Ы

Р О С С И Й С К И Е

Ш К О Л Ь Н И К И

О В О Й Н Е

**Цена победы. Российские
школьники о войне. Сборник
работ победителей V и VI
Всероссийских конкурсов
исторических исследовательских
работ старшеклассников «Человек
в истории. Россия – XX век»**

«Новое издательство»

Цена победы. Российские школьники о войне. Сборник работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век» / «Новое издательство»,

Книга объединяет работы российских школьников, посвященные Великой Отечественной войне и отобранные из полутора тысяч сочинений, пришедших на ежегодный Всероссийский исторический конкурс общества «Мемориал» в 2004–2005 годах. Большинство участников конкурса – подростки из небольших российских городков, поселков, деревень. Работы представляют сложную картину войны через призму семейной памяти, закрывают «белые пятна» благодаря документам, найденным в семейных и государственных архивах.

Содержание

Места и области памяти...	5
«В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ СМЕРТИ»	12
«Мы находимся в зале ожидания смерти»	14
«Радио „Информбюро“ сообщило, что идут ожесточенные бои на улицах Сталинграда»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Коллектив авторов

Цена победы. Российские школьники о войне. Сборник работ победителей V и VI Всероссийских конкурсов исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век»

Места и области памяти...

**Ирина Щербакова, директор образовательных
программ общества «Мемориал»**

В этом сборнике мы предлагаем читателю выборку из почти двух тысяч работ на военную тему, пришедших в этом году на шестой исторический конкурс для старшеклассников «Человек в истории. Россия – XX век», который с 1999 года ежегодно проводит общество «Мемориал».

Объявляя тему «Человек и война» в год 60-летия Победы мы конечно же не ставили перед собой задачу включиться в общий поток, «отметить» юбилей.

Мы надеялись, что участники конкурса посвятят свои исследования не описанию битв и действиям военачальников, а судьбам обычных людей, рядовых участников войны. Что они обратят внимание на тех, кому победа принесла не только радость освобождения, но и новые страдания. Это военные сироты и вдовы, это инвалиды войны. Это те, кто после войны многие годы жил с пятном в анкете, кто считался идеологически неблагонадежным – бывшие советские военнопленные, узники концлагерей и гетто, так называемые остарбайтеры (гражданские лица, угнанные на работу в Германию). Нам хотелось, чтобы наши конкурсанты задумались над тем, какую невероятную цену пришлось заплатить за победу в Отечественной войне.

Но главное – нам хотелось понять, как, из чего складывается представление о войне у нынешних подростков. Сохраняется ли еще живая память – хотя бы в семейных рассказах, – или война уже полностью ушла в область легенд, превратилась в нечто помпезно-застывшее?

Фактически о войне им напоминают лишь возникшие повсюду в 60-80-е годы безликие однотипные памятники и мемориальные комплексы, «вечные огни», где с первых классов приходилось отстаивать на школьных линейках 9 Мая. Конечно, война для сегодняшних школьников – и очень далекое прошлое, и самое «затоптанное» мифологизированное «место» нашей памяти.

Тем более поразительно, что многие из наших авторов (в этом может убедиться читатель сборника) настойчиво стремятся обрести, восстановить настоящие «места памяти» о войне. Прежде всего это безымянные, брошенные могилы и захоронения, которые и захоронениями назвать трудно:

Мы впервые услышали о безымянных могилах под ногами и в дальнейшем стали специально расспрашивать о них. Нам открылись страшные вещи. Весь наш поселок, такой

чистый, красивый и родной, стоит на костях. На могилах без крестов., без звезд и без памятных плит... Как-то неудобно стало ходить по улице, зная, что где-то рядом под ногами могила. А еще мы подумали, что где-то остались родные, которые никогда не узнают, где покойся близкий им человек. Так вот она какая, настоящая могила неизвестного солдата, а вовсе не та, что у Кремлевской стены.

Таких примеров в работах школьников множество. В отличие от взрослых, постоянно повторяющих фразы типа «пока не похоронен последний солдат» и т. д., но на самом деле давно свыкшихся с огромным количеством этих не похороненных, просто зарытых или брошенных в землю, детей это поражает. Поражает идущее вразрез с привычным пафосом и риторикой не оказанное мертвым уважение. Это, как мы увидели во многих работах, заставляет школьников задуматься не только о цене победы, но и о бесчеловечности системы, об изнанке бронзовых монументов...

Такого рода факты, свидетельствующие о глубочайшем пренебрежении к человеческой жизни, открываются нашим конкурсантам на каждом шагу. Вот характерный пример из работы, посвященной владимирским госпиталям, в которой автор описывает не только подвиг врачей и медсестер, сутками не отходивших от операционных столов, но и рассказывает, где и как хоронили умерших:

Очевидцы вспоминали, что умерших советских солдат хоронили в длинных глубоких рвах. Их старались привозить ночью на телегах. Сначала складывали в беспорядке. Но потом об этом, видимо, узнало местное население. И захоронения стали производить более цивилизованно. Однако гробов, торжественных церемоний тогда не было...И все равно с этим трудно смириться... Если живые в нашей стране были винтиками, то мертвые и вовсе – ненужная головная боль. Если бы каждого умершего в госпитале хоронили индивидуально и ставили на могилу хотя бы табличку с именем и номером, то потерять память о человеке было бы практически невозможно. Имя само по себе уже гарантировало бы память. Номер могилы дублировался в книге регистрации кладбища. Если даже бы деревянная дощечка потерялась, то по номеру в книге можно было бы найти место захоронения. Тогда в стране было бы меньше детей, отцы которых пропали без вести. Они, во-первых, не чувствовали бы себя детьми изменников Родины и, во-вторых, получали пособие за отца...

В своих выводах представители нового поколения иногда очень деловиты и практичны, но насколько этот практицизм человечнее бюрократического хаоса и равнодушия, скрывающихся за патриотической риторикой.

Настоящие места памяти о военных годах наши конкурсанты обнаруживают повсюду. Так, католические кресты, увиденные школьницей из Тайшета на заброшенном кладбище, привели ее к пониманию того, что и для СССР война началась раньше июня 1941 года и не с вторжения немецкой армии...

Можем ли мы, русские, рассчитывать на добрые отношения со стороны поляков после массовых депортаций, Катыни, раздела Польши совместно с фашистской Германией? Ведь надо знать о судьбе не только русских жертв массовых репрессий...и история моего Тайшета без сведений о депортированных поляках, прибалтов, будет совсем не правдоподобной. Да и все равно когда-нибудь кто-нибудь возьмет да и спросит: а откуда здесь на поселковом кладбище Квитка такие странные захоронения – большие католические кресты?

О войне школьникам напоминают не только кладбища, но и нефтешахты поселка Ярега, где во время войны добывалась нефть ударным трудом умиравших от голода зеков, и остатки укреплений, которые их бабушки и дедушки рыли в Мордовии, когда та стала прифронтовой, и многое, многое другое...

«Местом памяти» становятся и архивы, где наши конкурсанты отыскивают документы, рассказывающие о том, что власть стремилась вытравить из памяти навсегда: о репрессиях во время войны, о ГУЛАГе, о так называемых проверочно-фильтрационных лагерях.

Для меня история ПФЛ № 0308, существовавшего в 1944–1946 годах на территории Тульского края, стала обратной стороной войны, темной и очень неприглядной. Думаю, что сегодня многим людям в нашем российском обществе в преддверии 60-летия Победы не хотелось бы вспоминать, что в глубоком тылу советской армии был ГУЛАГ и были провечно-фильтрационные лагеря, была рабская сила под названием «спецконтингент», строившая шахты, комбинаты, заводы и фабрики. Получается очень неудобная картина войны, ломающая привычное отношение к войне: «плохие – фашисты, хорошие – наши». Оказалось, что и «наши» были разными.

Но, конечно, главные «места памяти» о войне – это семейные архивы с фотографиями, письмами, а иногда и с дневниками и воспоминаниями.

По сотням, даже тысячам работ на военную тему, присланным на наш конкурс, видно, как трудно школьникам прорваться к живой памяти. Война для очень многих (и надо ли этому удивляться) – нечто абстрактно застывшее, набор клише из брежневской эпохи, заученных формул: великий подвиг советского народа, никто не забыт и ничто не забыто, у войны не женское лицо, День Победы – это радость со слезами на глазах, памяти павших будьте достойны и т. д. Эти фразы немедленно возникают в их текстах, как при введении ключевого слова в компьютерном поиске, и повторение их – обязательное ритуальное действие, предваряющее любой разговор о войне. Наши подростки, несомненно, жертвы этой выхолащенной и лишенной всякого человеческого содержания казенной «памяти».

Другая неофициальная, неказенная, народная память о войне проникает в их сознание в основном через призму семейной истории. Большинство наших авторов – школьники из маленьких российских городов, поселков, деревень. Их деды и прадеды – те самые рядовые, из которых сложились миллионные цифры военных потерь. Сотни и сотни раз воспроизводят школьники самую распространенную в России XX века модель крестьянской семейной истории. С трудом пережили 1929–1932 годы. Если хозяйство было покрепче, то, как правило, раскулачивали. К концу 30-х немного ожили, попривыкли к колхозам, а тут сразу и война. Мало среди крестьянских дедов и прадедов наших авторов добровольцев, сразу бросившихся на призывные пункты. А когда призвали, они пошли выполнять тяжелый долг – и хорошо, если успели написать одно-два корявых письма – и погибли, и счастье, если известно где.

Прадед погиб от разорвавшегося в двух метрах снаряда. Раненый, он прожил еще полтора часа и успел через товарища передать наказ своей семье. Так погиб рядовой участник двух войн. Не заслужил он наград, кроме медали за оборону Ленинграда, хоть три года тянул солдатскую лямку. Захоронен мой прадед в братской могиле в двухстах метрах от деревни Каменка Холмского района Новгородской области. С единственной сохранившейся предвоенной фотографии смотрит один из миллионов людей Земли... Не менее шестидесяти процентов бойцов Красной Армии крестьяне... Это они, привыкшие к тяжелому крестьянскому труду, напрягая силы, вытянули страну из той трясины, в которую ее загнали Сталин и его руководство.

А если повезло выжить и вернуться, то какими возвращались с войны деды и прадеды наших школьников?

Парни пришли с войны – вот какие наши парни-то! Мы все, девчонки, за инвалидов пошли, и безногие, и глухие, и безрукие – всякие. Всех подобрали, да. А что ж, они виноваты, что ли, которые такими с войны пришли? У нас один был, глухой-глухой, а хороший парень был, пошла девчонка замуж за него. И внутри все перебито было. А вот недавно помер. Все жили хорошо... С инвалидом, да. А хороших-то и не было! Мало хороших-то. Хорошие пришли, так они вон уехали, в Москву да за Москву, когда война-то кончилась...

Вытянули, напрягая все силы и повсюду, – это, вероятно, один из важнейших лейтмотивов большинства работ. Эта война коснулась всех, каким бы разным не был передаваемый нам сегодня спустя три поколения семейный опыт. Тех, кто был в оккупации, пережил плен и угон

на принудительные работы в Германию, депортирован в Сибирь и Казахстан, чудом выжил в блокаду. Надрывался в трудармии, на рытье окопов, на лесозаготовках и в ГУЛАГе. Сегодняшние подростки и в самом деле последнее поколение, у которого есть еще возможность соприкосновения с этим живым опытом. Только найти свидетелей становится все труднее:

Самым трудным оказалось найти свидетелей. Мы столкнулись с тем, что не все очевидцы событий хотят поделиться с нами своими воспоминаниями. Некоторые говорят, что мы и не должны знать всю правду о войне, другие боятся последствий своей откровенности, есть и те, кто просто очень болен, и им не до воспоминаний. Однако многие нас просто ждали. Вернее, ждали тех, кого заинтересует настоящая правда о войне, с кем они могут поделиться. Мы слышали от них: «Почему же вы не пришли раньше?», «Теперь и умереть можно спокойно, я рассказал то, что не давало мне покоя долгие годы», многие из них не скрывали своего волнения и слез. Говорили о том, что мы первые, с кем они беседуют на эту тему.

Сегодня память о войне чаще всего передается нашим подросткам на коммуникативном уровне через женщин – прабабушек и бабушек. И поэтому сравнительно мало в их работах фронтовых эпизодов, описаний боев. Если в семье есть живой фронтовик, сомнения школьников в правдивости лубочных изображений Великой Отечественной иногда находят выражение в форме наивного вопроса: «А ты, дедушка, за кого воевал?» Так трансформируется в их сознании призыв «За Родину, за Сталина!», который на самом деле звучал главным образом в донесениях политруков. В военной реальности, если им, конечно, удастся услышать правдивый рассказ, места для такой формулы нет.

Из воспоминаний моего деда: но никогда, когда в атаку шли, не кричали «За Сталина!» И раненым никто не помогал, как в фильмах показывали. Говорили, например, брать высоту, где немцы засели с пулеметами. Не дай бог нагнешься помогать раненым – сзади тебя свои же расстреляют из пулемета. На то есть санитары, а ты – вперед, не дай бог остановишься, заляжешь где-нибудь... А после войны... не мог лишнего слова сказать, всегда был замкнутый, потому что презрение к тем, кто в плену был... Хотя и не виноват, что туда попал...

Но большинство историй, которые они слышат, – о жизни в тылу, в оккупации, о бегстве, о разбомбленных эшелонах, о потопленных баржах.

В сотнях записанных рассказов сегодняшние подростки воссоздают уникальную по количеству мелких подробностей и деталей историю тяжелейшей жизни в тылу:

В 41-м мне было четырнадцать. Я тогда в школе не училась, четыре класса закончила, а потом война началась. Отец на фронте, младшая была, и меня забрали. Мать слепая была. В ФЗО набирали так: если не явился человек, забирают отца или мать, кто дома, и держат в тюрьме, пока не найдешь дочь. Принуждали насильно, забирали как на фронт. Я хотела укрыться, неделю прожила в Татарке у маминой сестры. Мама пришла, ревет... Нечего было надеть, надо было в Киров идти десять километров. Я полпути прошла, у меня подошвы у ботинок отпали. Я привязала веревкой и так и шла туда, куда забирали, грязно, осень (41-го года). А не пойдешь – тебя судить будут. Вон некоторые сбегали – так по шесть месяцев давали.

А вот рассказы о военной деревне:

Мы – изо всех сил. У нас и лошадей-то отобрали, так мы на себе! Взяли коляску лошадиную, положим мешок и тащим. Кто за оглоблю, кто за пружину, кто сзади прет! Ой, таскали-таскали эту коляску, теперь говорят пахать! На себе опять. Таскали плуг изо всей силы: тетка одна держит за рогачи, а мы прем. А камни! Камнистое поле-то! Теперь вспахали: «Я больше не пойду! Измоталась!» Прямо никак не могу пахать! Ну прямо все боли-и-ит!

При передаче таких рассказов возникают картины трудно представимой любому европейцу военной повседневности. Голод и холод, непосильный, по 12–14 часов, труд подростков на военных заводах (где стахановские сто граммов хлеба – прибавка к пайку), и никуда не уйти, не убежать, вернут с милиционером и еще посадят на полгода, на год... Многие бабушки и

дедушки откровенно рассказывают, как во время войны «попадали под указы», как получали сроки за невыполнение трудовых, за опоздание на фактически принудительные работы, за так называемую спекуляцию. И мы читаем, как прабабушке дали восемь лет за буханку хлеба, вынесенную голодным детям, а сестра деда за торговлю сахарином с рук получила пять лет и так в лагере и умерла. Все эти, мягко говоря, негероические семейные сюжеты военного времени вызывают у наших авторов только сочувствие.

Мы шли пешком двести километров. Было очень холодно, снежно и ветрено. Прибыли на станцию Торбеево. Пришла разнарядка идти нам лес валить. На лесоповале уже работали заключенные из Дубравлага. Наша жизнь несмотря на то, что мы были на свободе, ничем не отличалась от их жизни. Разместили нас в бараке на нарах, в котором имелась железная голландка. До рассвета нас выгоняли на работу. Шли в лес, неся с собой пилы, топоры. Работали дотемна. Обед всухомятку: съедали какой-то маленький кусочек хлеба... Мне захотелось бежать. Четыре дня, обходя села, мокрая и голодная, я шла домой... Родители хотели меня скрыть, пряталась я под кроватью от людского глаза. Об этом стало известно председателю, он сообщил в прокуратуру района. Прокурор пригрозил тюремным заключением. Пришлось с котомкой сухарей возвращаться обратно на лесоповал.

Когда подростки передают эти истории, происходит деидеологизация официального советского образа войны, который сегодня возрождается гораздо активнее, чем это было еще несколько лет назад, – прежде всего на уровне нравственных оценок. Нет работ, где звучало бы осуждение прадеда, сдавшегося в плен, и для наших авторов сегодня не имеет значения, был ли он при этом тяжело ранен или просто оказался в безвыходном положении, главное – тяжесть перенесенных испытаний. Такая же оценка звучит, когда речь заходит о бессмысленных жестокостях в нашей армии, о расстрелах так называемых дезертиров, о штрафбатах.

Отчасти поэтому им так трудно понять, где в рассказе об угоне или плене они сталкиваются с явной мифологией, где – с умолчанием, а где – с вытеснением, ведь все это связано с теми страхами, которые до сих пор испытывают многие рассказчики. Нынешним подросткам все-таки сложно осознать природу этих страхов. Их несколько не удивляют истории прабабушек и бабушек, угнанных в Германию, когда те вспоминают о том, что все эти годы скрывали. Например, о возникавших порой человеческих отношениях с хозяевами-немцами. А вот реакция «своих» вызывает непонимание и возмущение.

Люди, воспоминания которых мы записали, попали в рабский трудовой плен в силу трагических обстоятельств. Но они, их семьи подвергались унижениям не только на чужбине, но и в их собственной стране. Их жизнь по возвращению домой была полна лишений и мытарств. Власть после войны создавала дополнительные препятствия в их и без того нелегкой жизни лишь за то, что они стали подневольными рабочими-рабами в трудовом плену. Этих людей в нашем обществе с их проблемами и переживаниями долго как бы старались не замечать. «... А мы молчали. Мы ведь никому не говорили, что в Германии были».

На примере конкретных судеб они узнают, что возвращение из плена часто вело прямым образом в ГУЛАГ:

Героя моей работы два месяца везли через всю матушку Россию, наконец привезли в Воркуту. Снова лагерь, но теперь советский: подходит парень, тоже заключенный-каторжник, и спрашивает: «А ты откуда приехал?» А он ему: «Из Германии, из концлагеря Гросс-Розен...»

Кстати, интерес именно к еще недавно запретным темам, к тому, что до сих пор не вписывается в официальную память, в той или иной степени чувствуется едва ли не во всех работах о войне, просто иногда нашим школьникам трудно добраться до правдивых источников. Надо еще помнить, что военные архивы до сих пор на самом разном уровне остаются едва ли не самыми закрытыми, и поэтому главный их источник – по-прежнему память.

Каким представляется им сегодня образ врага, немца, оккупанта?

Конечно, есть представление о безликой массе, о страшном нашествии, и здесь часто возникает патетика в духе 70-х, однако совершенно отсутствует пафос мести. Скорее можно увидеть стремление дифференцировать, улавливать все, что не входит в рамки лубочных образов. Проявление человеческих чувств и даже иногда взаимной жалости не вызывает удивления и воспринимается порой как нечто само собой разумеющееся.

В Боровском и Малоярославском районах жители не раз отмечали случаи нормальных, даже человеческих отношений между хозяевами и непрошеными постояльцами. Например, врач-хирург по собственной инициативе оперирует нарыв на руке местной жительницы. По рассказам, немецкие солдаты жаловались местной учительнице немецкого языка на свою подневольную жизнь... Русские женщины иногда по-человечески жалели этих немецких мальчиков. Так, вовремя бегства немцев из Боровского района в одной из деревень старушка подвезла к дороге, по которой мчались машины и техника, на санках молодого солдата с отмороженными ногами и хотела пристроить его к отступающим. Сообразив, что больной никому не нужен, она кричала и пыталась доказать, что его оставляют на верную гибель.

Очень часты рассказы о немецких военнопленных: бабушки и дедушки сегодняшних конкурсантов – это послевоенные подростки, и им, конечно, запомнились вызывавшие недавно такой ужас враги в совсем ином виде:

Дальше шли солдаты. Это было просто ужасно. Худые, оборванные, наряженные в то, что они отнимали у русских, погибая от холода, хотя и было лето: клетчатые бабы платки, телогрейки, огромные эрзац-валенки. Их надевали поверх своих сапог. Шли они в таких эрзацах как паралитики. Даже не шли, а еле ползли. Многие были замотаны какими-то тряпками. Народ вокруг молчал. Более того – стояла звенящая тишина. Никаких выкриков. Было такое ощущение, что и зрители оцепенели от ужаса. Мимо них шли несчастные люди – тоскливые, безразличные ко всему, отрешенные. Несчастные солдаты, которые расплачиваются за то, что заставили их делать фашисты.

Война оставила следы в разных местах и регионах, и сейчас, спустя многие десятилетия, чрезвычайно интересно посмотреть на это глазами нынешних подростков.

В местах, бывших зоной оккупации, это история столкновения с врагом, это судьбы угнанных в Германию оstarбайтеров и, конечно, партизанское движение. Кстати, как выясняют наши конкурсанты, очевидцы помнят не только немцев-оккупантов, но и венгров, румын и итальянцев.

История партизанского движения чрезвычайно мифологизирована, архивы до сих пор фактически закрыты, но память-то остается. Она весьма и весьма противоречива и часто также не совпадает с официальной советской картиной.

Теперь я понимаю, почему дедушка с бабушкой не любили вспоминать войну, а только плакали... Страшно не подчиниться немцам, но страшнее не подчиниться партизанам... Может из-за этого страха вспомнить многие из нас и не видят всей правды... История народного партизанского движения необходима, но подлинная.

А что происходит с памятью о холокосте? Она очень сильно вытеснена. Здесь мы сталкиваемся не просто с молчанием памяти (мы видим, как сегодня буквально уже в последний момент нарушается это молчание и нарушаются табу, связанные с войной). Но история гибели евреев, которая проходила на глазах у многих свидетелей, в рассказах об оккупации фактически отсутствует. Это понятно. Даже роль наблюдателя в данном случае тяжела и неоднозначна, а в послевоенные годы делалось все, чтобы вытеснить память о массовом уничтожении евреев. Конечно, главные места, связанные с холокостом, теперь уже за пределами России, но есть ведь и российский юг: Краснодар, Ростов, Таганрог.

И все-таки особенно в этом году мы увидели попытки приподнять завесу молчания, докопаться до правды и разбудить даже «взрослую» память. Тогда из пассивных, хоть и вниматель-

ных слушателей наши конкурсанты превращаются в активных актеров истории. Такие работы, как бы мало их ни было, вселяют надежду.

Уже с самого начала меня затянуло: источник, с которым я начала работать, оказался очень интересным. Больше всего меня поразило отношение одноклассников к тому, что я решила заняться такой работой. Многие говорили, что-то вроде: «Тебе заняться нечем?» или «Кому это надо?». Некоторые ребята просто удивленно раскрывали рот, услышав, о чем я пишу. Но их отговорки не убедили меня бросить все, а, наоборот, усилили уверенность в том, что это кому-то нужно. Это нужно именно им, тем ребятам, которые ничего не знают...

Моя цель – понять, что представлял собой оккупационный режим и как люди выживали в условиях «нового порядка». Я хочу понять, какие отношения были между людьми разных национальностей и почему они складывались именно так.

Конечно, питерские работы главным образом посвящены блокаде, а если о войне пишут подростки из Сибири, с Урала, это фактически история эвакуации (очень сильно изменившей жизнь этих регионов) или тяжелейшего труда – то, что на официальном советском языке называлось подвигом тружеников тыла. А на Дальнем Востоке и в Сибири возникает много рассказов о военнопленных японцах, о которых в Центральной России и не слыхивали. Если работа, например, написана школьниками из Калмыкии или Ингушетии, то в их памяти война – это прежде всего история депортации 44 года. Истории российских немцев – это тоже депортация и трудармия, которая мало чем отличалась от ГУЛАГа. А в Карелии память о войне – это память о финской оккупации, и, как показывают приходящие оттуда работы, эта память не просто жива, она возрождается. В Коми это ГУЛАГ, работающий на победу из последних эковских сил.

Совершенно закономерно у наших авторов возникает вопрос не только о цене, но и плодах победы, о том, что ждало после войны тех, кто выжил, вернулся, и, самое главное, они видят, как эти люди живут сегодня:

Здоровье я растратила на торфоразработках в 41-м году, на лесоповале – в 42-м году. А в старости, когда меня замучили болезни, власти забыли мой труд. Умирать уже пора, а память мучает меня чувством обиды за голод, холод, непосильный труд. Я ежемесячно получаю пенсию – 2000 рублей, не хватает даже на лекарства.

Мучились как собаки, инее зачет, работала всю жизнь, работала за шиши... Потому что были бы мы грамотные, может, чего и было бы. А мы неграмотные. Что дадут, то и дадут. Вот как. И военные годы не пошли, ничего... вот и все. Пенсия? Сто восемьдесят... Тысяча восемьсот тридцать рублей... Ну мне хватит...

Слушая и записывая эти рассказы, школьники понимают, что «в зачет» этим людям и многим из их близких фактически ничего не поставили. Тем непомерней кажется тогда реальная цена победы, в том числе и семейного вклада в нее. Это, безусловно, рождает у наших конкурсантов чувство причастности, заставляет задумываться, прислушиваться и «ставить в зачет».

«В ЗАЛЕ ОЖИДАНИЯ СМЕРТИ»

«Мы находимся в зале ожидания смерти» Матвеев Курган в 1941–1943 годах

**Максим Столбовский, Василий Хруцкий Ростовская область, пос.
Матвеев Курган, 10-й класс научный руководитель О. И. Столбовская**

Когда учительница истории предложила нам участвовать в конкурсе, мы выбрали тему войны. Но вначале нам казалось, что ничего нового мы не найдем, что наша работа будет похожа на обычный школьный реферат. И все глубже окунаясь в события, происходившие там, где мы живем, мы ощутили свою сопричастность к ним.

Очень мало осталось свидетелей тех страшных лет, которым в годы войны было больше 18 лет. Мы познакомились ближе со стариками, мимо которых проходили раньше, не всегда здороваясь. Мы изучили семейные архивы и расспросили родных, соседей. Работали мы также и в районном архиве. История поселка стала и нашей историей.

Самым трудным оказалось найти свидетелей. Мы столкнулись с тем, что не все очевидцы событий хотят поделиться с нами своими воспоминаниями. Некоторые говорят, что мы и не должны знать всю правду о войне, другие боятся последствий своей откровенности, есть и те, кто просто очень болен, и им не до воспоминаний. Однако многие нас просто ждали. Вернее, ждали тех, кого заинтересует настоящая правда о войне, с кем они могут поделиться. Мы слышали от них: «Почему же вы не пришли раньше?», «Теперь и умереть можно спокойно, я рассказал то, что не давало мне покоя долгие годы», многие из них не скрывали своего волнения и слез. Говорили о том, что мы первые, с кем они беседуют на эту тему.

Мы записали воспоминания 37 человек, живших в Матвееве Кургане и в районе в военные годы¹.

НАЧАЛО ВОЙНЫ. СОБЫТИЯ ДО ПРИХОДА НЕМЦЕВ 17 ОКТЯБРЯ 1941 ГОДА

Матвеев Курган перед войной стал красивым районным центром. Здесь были две школы – средняя и семилетка, кинотеатр, большой элеватор, молокозавод, железнодорожная станция. Некоторые улицы были вымощены каменной брусчаткой. Перед зданием райкома стоял памятник Ленину, в парке была стела погибшим за революцию в Гражданской войне и памятник Сталину. Среди парка был разбит розарий.

Мы представили себе поселок, где жили люди, каждый занимался своим делом, которое прервала война. И мы просили рассказать об этом, чтобы понять, как люди переживали последние мирные часы, как известие о начале войны раскололо их жизнь на две части – довоенную и военную.

Война быстро становилась суровой реальностью. Забрали на войну отцов, братьев, мужей, сразу опустел поселок. Вокзал превратился в особое для поселка место. Отсюда провожают близких на фронт. Вернутся ли они с войны? Увидятся ли с ними их семьи? Из Матвеева Кургана в 1941 году было мобилизовано 311 человек.

---

¹ Мы всем им чрезвычайно благодарны за сотрудничество с нами, но особую благодарность выражаем Надежде Ивановне Панченко, Виктору Матвеевичу Моисеенко, Ивану Григорьевичу Столбовскому, Марии Васильевне Волощуковой, Надежде Петровне Саломашенко, Антонине Алексеевне Ниценко.

Из нашего района стали выселять немцев-колонистов, которых до войны здесь проживало очень много. Выселяли семьями, давали на сборы очень мало времени, почти ничего не разрешали брать с собой, заставляли распустить всю скотину. Надежда Ивановна Панченко, 1927 года рождения, вспоминает: «Очень обидно выселяли ротовских немцев. Со мной в классе училась немка, мы с ней дружили. Мне ее было жалко, но на вокзале, куда я пришла ее проводить, к ней не пустили. Их гнали штыками, на них сильно кричали наши солдаты, стоял плач и крик женщин и детей. Их загоняли в товарные вагоны, крепко закрывали там и не разрешали выглядывать из окошек под крышей». Это было непонятно и страшно, к колонистам здесь хорошо относились, и, даже когда началась война, никто в нашей местности не связывал гитлеровцев со здешними немцами. Депортация такими жестокими средствами, отношение к тем, кого считали своими, как к врагам, заставили усомниться в справедливости властей.

Война приближалась, новую среднюю школу оборудовали под госпиталь. Через поселок с запада, с Украины, гнали скот. Скоро и наши колхозники погнали свои стада на восток. Скот был недокормлен, утомлен, стоял рев, пыль до самого неба. Люди ехали на повозках, шли пешком в эвакуацию.

Дети не пошли учиться, их организовали на работы в помощь фронту. Школьники собирали металлолом, набрали целые кучи возле МТС, их не успели вывезти, и металл лежал там очень долгое время. Младшие школьники собирали урожай, а старших отправили рыть окопы. Все работали очень ответственно, надеялись, что помогают фронту.

Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «Когда немцы наступали, а здесь были еще наши войска, нас выгоняли копать противотанковые рвы. Это было для всех обязательно, хочешь не хочешь, иди. Ходили за восемь километров туда и восемь километров обратно пешком, рыли окопы. Также делали противотанковые кучи – насыпали на противотанковые мины большие кучи земли в шахматном порядке. Я и тогда не понимала, зачем. Немцы не глупые – зачем им ехать на кучи? Так и получилось. Этот участок немцы обошли стороной. Наша тяжелая работа пропала впустую. Нас подхваливали, обещали, что, кто хорошо будет работать, отправят отдыхать в санаторий, но какое там! Очень быстро прорвало фронт, и все обещальщики ушли и бросили нас на немцев». Работа на рытье окопов была опасной. Это был не только тяжелый труд, но и смертельный риск: «Немецкие самолеты летали над нами часто. Пролетит „рама“ —самолет-разведчик. Мы все враспынную, кто в окопы, кто куда, а платки у всех девчат белые, видны далеко. Минут через 5-10 летят самолеты и бомбят». Надежда Ивановна вспоминает, что все очень старались, надеялись, что наши остановят немцев, что дадут им отпор. И когда враги все же захватили родные места, горечь была сильной.

В конце августа фашисты стали бомбить поселок и станцию. Сначала люди не знали, как себя вести при бомбежках. Лидия Николаевна Шаталова, 1937 года рождения, вспоминает: «Когда бомбили, мы сначала не знали, что это, и с братом кричали маме: „Огурчики летят!“ (бомбы), а зарево было на все небо». Евдокия Аврамовна Гребеняк, 1935 года рождения, рассказала, что «при первых бомбежках еще не знали, что делать, почти всегда они были неожиданны. Бомба упала во дворе, а мама в комнате купала сестричку Валю, ей было три года. Выпали стекла в окнах, одно большое упало так, что думали, оно зарежет Валю в корыте. Слава Богу, она осталась жива, только немного поцарапана». Люди искали укрытия в подвалах, рыли щели в садах. (Щель – это яма полметра шириной, а в глубину на рост человека.) Когда был близкий разрыв бомбы, то такое укрытие становилось могилой. Мог им стать и подвал, если было прямое попадание. Самым надежным укрытием во всем поселке оказалась «труба» – переход под железной дорогой на окраине поселка. Мария Васильевна Волощукова, 1928 года рождения, вспоминает: «При налетах мама кричала: „Быстро в трубу!“ Мы бежали туда. В трубе я оказалась чуть ли не снаружи, там уже много набилось людей со станции, гражданских и военных. Кое-как вползла внутрь. Какой-то военный крикнул: „Садись!“, чтобы не

убила взрывная волна. Сидим в тишине, а потом рокот мотора, свист... Ждем – в нас попадет, мимо... Кто-то в тишине перед разрывом сказал: „Мы находимся в зале ожидания смерти!“».

После беседы с Марией Васильевной мы пошли в трубу. Мы часто пользовались этим переходом, когда ходили в гости к одноклассникам, живущим за железной дорогой. Теперь мы другими глазами посмотрели на мир из этой трубы. Как страшно жить, нет, не жить, существовать, поминутно ожидая смерти. Этот «зал ожидания смерти» оставил в душе глубокое впечатление. Так нашим землякам пришлось жить не один месяц, а вплоть до октября 1943 года, когда фронт ушел на запад и больше в поселок не вернулся.

Очевидцы рассказывают, что в 1941–1942 годах почти не видели наших самолетов. А вот немцы летали большими группами, несколько десятков самолетов, черные, страшные, среди дня. Летели низко, почти не опасаясь наших зениток. Чтобы усилить ужас, сбрасывали бочку с дырочками, она страшно завывала, пугая тех, кто прятался от разрывов. Причем свидетели не могут сказать, наши летчики или немецкие придумали сбрасывать такие бочки. Людям оставалось только молиться: «Слава Богу, день пережили!» – говорили, когда бомбили немцы, а здесь стоял фронт. «Слава Богу, ночь прошла, и мы целы!» – говорили, вылезая из канавы за поселком в 1942–1943 годах, когда бомбили наши. Гибли люди под бомбами. Привыкнуть к этому было нельзя.

Очень скоро жители Кургана заметили, что остались без власти. Все конторы опустели, начальники куда-то делись. Магазины стояли закрытые, нельзя было купить хлеба. Вспоминает Виктор Матвеевич Моисеенко (1929 года рождения): «Отец работал на элеваторе, на подстанции. Элеватор был метров тридцать, самый высокий в поселке. Помню, как отец жег партийные документы в котле. Потом пришли военные. Сказали: „Старик, иди домой, мы здесь хозяева“. И дали ему бумагу, что приняли имущество. Они разрешили людям, бывшим работникам, брать зерно и муку. Элеватор взорвали так, чтобы он перекрыл железную дорогу, зажгли все склады с оставшимся зерном. Смерд и гарь стояли над поселком».

О том, что элеватор горел, когда еще немцев в поселке не было, вспоминают и другие очевидцы. Но в книгах мелькает информация, что элеватор зажгли немцы. «На станции „Матвеев Курган“ полыхал огонь. Отступая под ударами наших войск (речь идет о декабре 1941 года. – *Авт.*), немцы не успели вывезти зерно с элеватора и подожгли склады. Бойцы потушили пожар и спасли тысячи тонн пшеницы. Было приказано вывезти все зерно в тыл. Ночью в Матвеев Курган потянулись автомашины, подводы. Немцы подвергали их артиллерийскому обстрелу, но пшеница до последнего зернышка была спасена»². Непонятно, ради чего рисковали жизнями людей под обстрелом немцев, потому что все свидетели, даже те, кто затрудняется сказать, когда именно был взорван элеватор, вспоминают, что всю первую оккупацию питались горелым зерном, который добывали на месте пожара. Кроме того, есть свидетельства, что еще года три, когда приходилось особенно туго, жители разыскивали там остатки зерна. Из записок Галины Васильевны Захарченко знаем, что немцы выпекали хлеб из этого зерна³. Так что вывозить нашим войскам было нечего. Остается предположить, что здесь мы имеем дело либо с мифом, либо с желанием в 1970-х годах во всей разрухе, бывшей в поселке, обвинить фашистов.

Очень интересным в рассказах нам показалось описание того момента, когда люди поняли, что наступило безвластие, которое продолжалось около недели. Нет ни милиции, ни райкома, никого, кто накажет. Дома начальников тоже опустели.

Люди пошли брать в колхозе все, что осталось: сеялки, сани, лошадей, коров. Брали все в магазинах и аптеках, запасаясь на будущее. Уже знали, что ничего хорошего от немцев ждать

---

² Испытание верностью: Очерки о героизме воинов, боевом пути 339-й Ростовской Таманской Бранденбургской ордена Суворова 2-й степени стрелковой дивизии. Ростов-н/Д: Ростовское книжное издательство, 1973. С. 27.

³ Матвеево-Курганский районный архив (далее: Архив). Оккупация района. Дело № 20.

нельзя, от своих властей тоже ничего особенно хорошего не ждали. У простых людей было ощущение брошенности, ненужности.

Вспоминает Виктор Матвеевич Моисеенко: «На старой аптеке (что по улице Октябрьской) висел большой замок. А женщины хотели запастись лекарствами, все равно какими. И они подговорили нас, мальчишек, чтобы мы выбили в аптеке окна. Мы бросили камни, стекла вдребезги. Все повалили вовнутрь. Мы, мальчишки, искали мятные таблетки. Некоторые из нас покуривали, ими хорошо было зажевывать, чтобы родители не узнали. Там стояла лестница, чтобы доставать до верхних полок. Туда полез мой старший брат, ему было 14 лет. Он обнаружил там зубной порошок в бумажных пачках. Его там было очень много. Он стал разрывать пачки и посыпать им сверху баб, которые гребли в сумки лекарства. Потом он увидел огнетушитель и стал поливать из него ругающихся и плюющих женщин. Какие они оттуда выскакивали „красивые“, я буду помнить долго! Белые, в пене!»

Нельзя осуждать тех людей, переживших смутные времена перед оккупацией, под обстрелом и бомбежками, которые продолжались, не прерываясь ни на день. Люди стремились обеспечить себе хоть какое-то будущее, чтобы не голодать. Однако некоторые не ходили туда, оставалась какая-то преграда в душе, какой-то внутренний запрет брать чужое.

ПЕРВАЯ ОККУПАЦИЯ. 17 ОКТЯБРЯ – 4 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА

«В середине месяца 1-й танковой армии врага удалось выйти к устью реки Миус и 17 октября занять Таганрог»⁴. В этот же день немцы вошли и в Матвеев Курган, который наши войска оставили без боя, боясь окружения. Немцы в поселок входили с двух сторон: с севера и с юга.

Мы хотим привести здесь воспоминания Антонины Алексеевны Ниценко, 1929 года рождения: «Видели, как сплошным потоком идут люди на восток – в эвакуацию. Бабушка и говорит:

– А давайте и мы эвакуируемся, что нам сидеть, раз все идут.

И мы взяли кое-какие вещи, на руки маленького братика (1939 года) и пошли по улице Кирова, на которой мы жили возле железной дороги, на восток... Дома на столе остался разрубленный поросенок из приبلудных – прямо гора мяса. Мы взяли только немного сала. Мы увидели, как к военкомату во весь дух мчит тройка, с морд лошадей падает пена, а мужчина стоя правит. У военкомата он резко осадил коней и закричал:

– В Ротовке немцы!

Потом он увидел нас (было семь малышей, две женщины – мать и ее сестра, бабушка 56 лет) и говорит:

– А вы куда?

– В эвакуацию.

– А куда?

– А кто его знает.

– А дом у вас есть?

– Есть, и подвал есть.

– Ну и возвращайтесь, живите, кому вы где нужны. Тут очень опасно, немцы дороги бомбят, в спины людям стреляют, а у вас дети малые.

Бабушка и говорит:

– А давайте вернемся, в своем доме и смерть красна.

Ну мы и вернулись, мясо на столе никто не тронул».

---

⁴ История Донского края / Под ред. В. И. Кузнецова. Ростов-н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971. С. 245.

Остались женщины с детьми одни, без мужчин, которые раньше всегда принимали решения. Они растерялись, не знали, что им делать, как сохранить детей.

Почти все вспоминают, как в первый раз увидели немцев, даже те свидетели, которым было мало лет. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «Впервые увидела немцев 17 октября 1941 года. Мы с сестрой Марией пошли за сеном и увидели немцев с автоматами. Я очень испугалась. Ведь по радио говорили, что они сразу всех убивают и девочек насилюют. Я побежала домой и спряталась на чердак. Мама закричала: „Ты что это выдумала, слезай!“ А во дворе уже немцы – офицеры, холеные, чистые, не то что наши солдаты, те шли усталые и в пыли». Из воспоминаний Антонины Алексеевны Ниценко: «Мы имели огород за ГЭС (за поворотом реки; ГЭС построена в послевоенные годы. – *Авт.*) и с мамой резали там капусту. Вдруг, слышим, загудели танки. Побросали капусту, прибежали домой. А дома – полный двор немцев, требуют сало, яйца. Бабушка им говорит, что их нет, а мама сказала: „Да отдай, пусть оставят в покое“». Иван Григорьевич Столбовский, 1932 года рождения, вспоминает: «Немцы приехали на черных тяжелых тизовских мотоциклах со стороны Колесниково, которые выпускались в Таганроге и отправлялись в Германию. Брат Степан, который работал на том заводе, мечтал о таком. Вообще наши были без техники, а у немцев все сидели за рулем, даже пехота. Мы до войны много чего им отправляли – продовольствие, эти же мотоциклы».

Нам кажется, что эти рассказы почти не нуждаются в комментариях. Они точно передают атмосферу этого трагического момента – начала оккупации. Немцы занимали наиболее удобные дома, выгоняли жителей в сараи, в лучшем случае позволяли тесниться в кухне. Пришли тыловые части. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «Немцы вели себя нагло, как завоеватели. Русских называли: „Русшиш швайн“. Не стеснялись женщин и детей. Посреди розария в парке устроили туалет открытый, поставили невысокие стенки, где-то с метр, вырыли ямы. Сидит немец в туалете, голова торчит из-за стенки, и лыбится на людей. Было стыдно и неудобно ходить мимо».

Сделали этот туалет специально в самом красивом месте поселка, чтобы унижить жителей и показать, кто тут хозяин.

Из рассказа Виктора Матвеевича Моисеенко: «Детям приказали сносить учебники в бывший Госбанк. Там сидели учителя и старшеклассники и рвали листы, где было упоминание о советской власти». Всякое упоминание СССР также тщательно уничтожалось.

Начались поборы с населения, все ценное забирали. Не только организованные команды тыловиков, но и простые солдаты грабили жителей для себя лично. Все очевидцы вспоминают, как по домам ходили немцы, брали что хотели в домах жителей. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Немцы вели себя нагло, входили в дом с автоматами наперевес: „Партизан, коммунист ист?“ Заходят в каждую комнату, озираются по сторонам, копаются в сундуках, ищут хорошие вещи, если кто-то один что-то найдет, то молча быстро загребают в мешок и уносят на машину или в мотоцикл». Благополучие некоторых семей, подобранных бесхозный скот и набравших добра в магазинах, быстро закончилось. Впереди замаячил голод. Ковалева Валентина Федоровна, 1934 года рождения, вспоминает: «Придут немцы, требуют кур, яйца, а мама нам: „Плачьте, дети!“ И мы плачем, бывало, немец и уходит»⁵.

Появилась комендатура с фашистским флагом над нею. Вспоминает Елена Николаевна Белошенко, 1928 года рождения: «Мы жили рядом со зданием, в котором была комендатура... У нас в семье было трое девчат и мама, так мы боялись лишний раз выходить на улицу. Мама нас сажет намажет, в рванье оденет, прячет от немцев. Они красивых девчат первых в Германию отправляли, или еще куда – мы не знали, но знакомую так угнали еще в первую оккупацию». Е. Н. Белошенко рассказала, что у немцев работала команда наших военнопленных, они

---

⁵ Записки А. Г. Шелковниковой, бывшей заведующей школьным музеем, написанные для детей-кружковцев примерно в 1985 году, хранятся в школьном музее.

копали какие-то траншеи, их били, они были полураздетые и голодные. Жителям подходить к пленным запрещали.

Жить в Матвеевом Кургане все же было легче, чем в селе Троицком, что под Таганрогом. Там жила мать Лидии Николаевны Шаталовой, которая перед войной вышла замуж. Там стояли не фронтовики, а эсэсовцы, которые расстреливали коммунистов и евреев. Они жгли людей живьем, убивали, и ее мать не могла оттуда уехать. Она рассказывала, что людей там живыми закапывали в землю и земля трое суток шевелилась.

О том, что и в Матвеевом Кургане захватчики искали евреев, мы нашли сведения в записках Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Подходит немец к русскому вплотную, начинает щупать голову, проверять строение черепа – не еврей ли он или не цыган ли? Это было со мной у вокзала, и там же проверяли так и других людей. Немецкий переводчик нам объяснил, что они ненавидят цыган за их лень и воровство, а евреев – за хитрость и безделье». Александра Александровна Хайло, 1918 года рождения, говорила, что ее немцы принимали за еврейку, потому что она была черноволосой и кудрявой, но ей удавалось доказать, что она русская.

Свою деятельность разворачивала комендатура, устанавливая «новый порядок». Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Возле нашей школы на столбе висела табличка: „За хождение после восьми вечера – расстрел“. Около вокзала такая: „За одного убитого немца – десять русских расстрел“. Легко немецкий солдат мог дать пощечину местному или пинка под зад».

В подвалах комендатуры сидели люди, ожидавшие своей участи.

В Ново-Николаевке был лагерь для военнопленных. Несколько раз через Матвеев Курган туда гнали пленных. Вспоминает Екатерина Григорьевна Добрица, 1922 года рождения: «Через поселок гнали пленных. И люди среди них узнали земляка. Сказали его жене, она пошла в Ново-Николаевку и взяла для мужа продукты, курицу жареную, вдруг удастся передать. Один немец, что охранял лагерь, взял продукты, а мужа отпустил, сказал, чтоб не пускала воевать». Этот лагерь просуществовал до полного освобождения района от оккупантов.

Неизбежно во время оккупации с отдельными представителями вражеской армии возникали какие-то личные отношения. Многие свидетели вспоминают, что некоторые немцы давали им хлеб, показывали рукой на метр от пола и говорили: «Дома киндер», показывали фотографии семьи. Иван Григорьевич Столбовский вспоминает: «Наш дом стоял на окраине. Немцы оборудовали рядом зенитную батарею, в доме жил ее офицер. Он хорошо говорил по-русски, украдкой давал нам суп из гороха без картошки, который ели сами офицеры, консервы, раз даже угостил шоколадкой. Часто беседовал с отцом и, когда не слышали другие офицеры, сказал: „Нашего Гитлера и вашего Сталина надо столкнуть лбами и заставить драться вместо нас, простых людей. Пусть убивают друг друга до смерти“». Петр Егорович Журенко, 1927 года рождения, вспоминает: «У нас в доме жил немец старый, для меня он был как дедушка. Он был ветфельдшер, в офицерском чине, жил один в зале, а мы в другой комнате. Нас не обижал, меня просил держать лошадей при его осмотрах, за это давал иногда продукты». Вспоминает Николай Иванович Жерноклев, 1938 года рождения: «Мы с братом были двойняшки, только он темнее, а я светлее. Немцы относились к нам хорошо, удивлялись, что мы так похожи. Один немец очень подружился с нами, подарил нам по чайной ложечке, мне под золото, а Володе под серебро, часто угощал хлебом. Он потом специально заезжал к нам раненый, без ноги, когда возвращался в Германию из-под Сталинграда. Он говорил, что кровь там течет рекой, прямо по земле».

Надежда Петровна Саломашенко, 1924 года рождения, рассказывает, что однажды немец спас ей жизнь при бомбежке. «Мне надоело прятаться в подвале, и я решила заночевать на кухне. Немцы же совсем не прятались, при всех бомбежках спали в доме. У нас жили те, кто восстанавливал железную дорогу, уходят за день и спят. Налетели наши самолеты, я испугалась и побежала прятаться в подвал. Немец схватил меня за шиворот и положил на пол. Я

плохое подумала, стала кричать, а тут бомбежка закончилась. Он встал и пошел. Мне говорят: „Он жизнь тебе спас“. Если бы я дальше побежала, как раз бы под разрыв угодила».

Вскоре жители разобрались, что среди оккупантов не все немцы по национальности: есть австрийцы, венгры, хорваты. Многие сносно говорили по-русски и относились к населению мягче, чем немцы.

Нашлись жители, которые захотели стать полициями, служить немцам. Из записок Галины Васильевны Захарченко: «С помощью прихвостней-полицейских стали выгонять людей на принудработы: тушить пожар на элеваторе, восстанавливать железную дорогу, мосты. Людей сажали на открытую платформу и в сопровождении автоматчиков с собаками возили в Закадычное на восстановительные работы. Стала работать пекарня, выпекали хлеб из зерна, которое немцы смогли спасти от пожара на элеваторе. Этот хлеб имел запах гари и привкус горечи»⁶.

Все полицаи преследовали свои интересы, стремились насладиться властью, побольше положить в карман.

Тогда же на территории района стал действовать партизанский отряд. Мы узнали, куда исчезли руководители района за неделю до оккупации. Их вызвали в обком партии, объявили, что они мобилизованы в партизаны. При этом они сдали свои документы, партийные и комсомольские билеты на хранение. Александра Александровна Хайло показала нам справку, выданную ей в обкоме партии в 1943 году, где указывалось, что ее комсомольский билет находится на хранении. Всего их было в отряде около 30 человек. Во главе стояли руководители района и районных предприятий. Александра Александровна попала в отряд как член бюро райкома комсомола. Ей и Нине Гончаровой поручили работать в Больше-Кирсановке, разносить листовки, выполнять разные поручения руководителя, Александра Гудзенко (он был секретарем райкома партии). В районном архиве есть примерный список членов этого отряда, составленный со слов уцелевших партизан в 1970-х годах. В нем значится 28 человек.

Вспоминает Екатерина Григорьевна Добрица: «Я в первую оккупацию жила у родителей мужа на хуторе Добрицы. Тесть сделал на доме двойной фронтон, то есть на чердаке была потайная комната, которую никак было не видно – ни с улицы, ни с чердака. Там сделали нары, и там прятались пять человек – партизаны. Среди них были Гудзенко Александр (он был наш родственник – муж тети моего мужа), Афанов Василий (позже он был руководителем Таганрогского подполья) и еще не помню кто – все бывшие руководители района. Они по ночам уходили на свои дела, а днем скрывались у нас. Знаю, что они взорвали два эшелона с немцами в Закадычном, а что еще – не знаю. У нас полный двор немцев, а на чердаке партизаны. Очень страшно было. Мы им стирали, кормили их. Пятеро мужиков, не шутка! Большой был риск, а у нас дети малые. Еды не хватало, мы даже побирались одно время. Скрывали их месяца четыре». (Часть района не освободили в декабре 1941 года, там продолжалась оккупация до августа 1943 года.)

Нас заинтересовало, что почти все свидетели не говорят о действиях партизан как о нужном деле. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Партизаны пускали ночью ракеты из-под железнодорожного моста. Наши самолеты весь поселок бомбят ночью. Немцев было в селе очень мало. Но наступает ночь, люди села берут коров за веревку, кое-какие вещи и идут в поле ночевать. Ибо прилетят самолеты, побросают свечи-ракеты на парашютиках, станет светло, летчикам все видно. Тогда они, сбросив сотни бомб, улетают. Немцев нет, зениток нет, одни жители и те в поле. Утром возвращаемся – дом разбит, кругом кучи земли и обломки. Сидим у соседей в подвале... Благодаря партизанам два месяца попусту бомбили наше село».

О страшных последствиях бомбежки вспоминает Надежда Петровна Саломашенко: «Когда наши в 1941 году ушли, то оставили здесь партизан – бывших партработников. Толку

---

⁶ Архив. Оккупация района. Дело № 20.

от них никакого не было. Здесь не было боевых частей немцев, таких, как я видела в Кривянке, в эвакуации. Там здоровые, сильные, молодые, а у нас старики железную дорогу восстанавливали. Ежедневно наши пускали ракеты, и нас бомбили. Жили по ночам в погребке среди бочек с капустой, ноги отекали от такой жизни. Мама и отправила меня к родственникам в Красный Бумажник. Там не бомбили. Шли туда пешком, вдоль железной дороги. Часто нам встречались солдаты наши, выходили из окружения группами, человека два-три. Грязные, голодные, чем-то на зверей похожи».

Другие очевидцы рассказали подобное – таких свидетельств много. Как же тогда относиться к партизанам? Вроде бы идет война с врагом, партизаны часть этой войны, работают на уничтожение фашистов, но жертв больше среди мирного населения. Мы решили, что дело в масштабах их действий, и, возможно, если бы жители видели, что партизаны действительно причиняют большой вред врагу, отношение к ним у людей было бы иное. В самом же поселке страдали именно мирные жители. Но в книге читаем: «Активную деятельность развернули в тылу врага партизаны. Были созданы отряды в Неклиновском, Матвеево-Курганском, Азовском районах... Особенно ценными были их сведения о дислокации немецких войск. В этом партизаны оказывали большую помощь командованию советских частей»⁷. Взгляды с разных сторон фронта на деятельность партизан – из штабов и из подвалов, где прятались жители, – оказываются противоположными. Раиса Степановна Горбаткова, 1929 года рождения, рассказала: «Нас бомбил наш земляк Кочубей Сергей. Он был летчик, здесь все знал и после войны хвалился, как точно он всегда попадал, когда ему приходилось бомбить здесь. Говорил, что сюда чаще всего посылали бомбить». Отношение к его подвигам у земляков было не слишком хорошим, хотя вслух, конечно, люди ничего не говорили.

Началось наступление под Москвой. 29 ноября 1941 года советские войска освободили Ростов. Перед отступлением фашисты стали жечь дома жителей Матвеева Кургана. Из воспоминаний Екатерины Ивановны Резниченко, 1929 года рождения: «Первым начали жечь наш край – улицу Разина. Мы увидели, что на соседней улице загорелся дом Чемикоса. Тогда еще не знали, что это немцы жгут, думали, случайно. Побежали тушить. У него был грудной ребенок, еле успели выскочить. И видим, что это немцы выводят скот, сами в черных комбинезонах, с факелами и канистрами с бензином, черные и страшные. Собаки лают, скот мычит, немцы-поджигатели не дают тушить, отгоняют автоматами. Началась паника. Мама с Валецкой, младшей сестрой, потерялись, мы их смогли найти только на второй день». Надежда Петровна Саломашенко вспоминает: «Команда здоровых, черных, в саже немцев подходит с факелами и с канистрами с бензином к дому. Почти все крыши из камыша. Подносят факел к крыше и стоят несколько минут, ждут, когда загорится как следует. Потом переходят к другому дому. Жгли дома три дня. К нам пришли от кладбища. Мы, пока к нам добрались, все вещи убрали в бочки в саду. Я выглянула из-за бочки – немец дал очередь. Они подошли к соседнему дому, там была полная бабушка, она стала просить, чтобы их не палили, так немец ее сильно толкнул, она упала. Но их дом не сгорел. У них был сын-полицай и дед, так они успели разобрать часть крыши, сгорел только фронтон. У нас остался цел потолок, была какая-то крыша. Мы жили так до 5 декабря, до эвакуации».

Матвеев Курган горел, как свечка. Все застлало дымом. Визжали собаки, плакали дети. От многих домов остались одни трубы. Видимо, в поджоге участвовали не только те солдаты, которые здесь были на постое, – пригнали и другие части. И некоторые очевидцы говорят, что немцы, жившие здесь некоторое время, предупреждали их или как-то содействовали спасению жилья. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «Один офицер, который жил в нашем доме, позвал меня в сарай, где у нас хранилось сено, и жестами показал – я буду жечь (как будто

---

⁷ Корольченко А. Миусские рубежи: Очерки о местах боевой славы. Ростов-н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971. С. 9.

чиркает спичкой о коробок), а ты туши (топал ногами, как будто сбивал пламя). Мама услышала, стала меня ругать – а вдруг немец решил позабавиться? Но мы все равно смогли спасти дом, а сарай с сеном сгорел. Потом соседи, чьи дома сгорели, некоторое время жили у нас». Екатерина Ивановна Резниченко вспоминает: «На подворье Непцетовых был немецкий штаб. Когда наши наступали, они заминировали хату и хотели взорвать, а хозяйка была беременная, просила их не взрывать, негде ей будет дитя рожать. Они не взорвали, а наши пришли и разминировали, хата осталась. Есть и добрые немцы».

Перед уходом фашисты задумали угнать с собой некоторую часть жителей. «В конце ноября 1941 года немцы заставили взять вещи и уйти из дома с ними на запад, – вспоминает Иван Григорьевич Столбовский. – Наша семья дошла до улицы Пугачевой, скрылась из виду немцев, стала уходить в сторону. По темноте пробрались в сарай тети Даши Соседкиной. Там уже был полный подвал людей, у которых спалили дома. Однажды ночью туда пришли наши солдаты, ребята-разведчики. Все очень обрадовались, а Надежда Ивановна их знала и раньше, и стала им рассказывать, и показывала на их карте, где у немцев что находится. Она знала, как какие части называются и какие пушки где стоят. Меня это тогда поразило». О том, что немцы, отступая, заставляли жителей уходить с ними, вспоминали и другие свидетели. Не всем удалось избежать этого. Так пропала семья Корсуновых, соседей Столбовских, которую немцы в числе прочих угнали в 1941 году. Их судьба неизвестна.

МАТВЕЕВ КУРГАН НА ЛИНИИ МИУС-ФРОНТА 4 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА – 22 ИЮЛЯ 1942 ГОДА

27 ноября войска Южного фронта нанесли мощный удар по ростовской группировке врага с севера, востока и юга и 29 ноября освободили Ростов от фашистских оккупантов. 10 декабря 1941 года фронт прошел по реке Миус, по западной окраине поселка Матвеев Курган. Фактически сам поселок лежал на нейтральной полосе, находился в зоне перекрестного обстрела своей и вражеской артиллерии.

Здесь продолжали жить люди, которые не числились в списках войск, в том числе дети и женщины. Их принято называть мирным населением, но до мира было очень далеко, и они на своих плечах несли все тяготы жизни на фронте, не получая за это никаких наград, подвергаясь, так же как солдаты, смертельной опасности. Мария Яковлевна Бобкова, 1925 года рождения, вспоминает: «Стоял Миус-фронт. Мы копали окопы, где старый мост. Было страшно, копали ночью, немцы обстреливали сильно. Так мы хитрили – выкопаем по колено, присядем, как будто глубокий окоп вырыли, нас отпустят. А вечером опять тот же окоп докапывать приходится. Мы все были на списках, нас находили, отказаться было нельзя».

Окопы были в полный рост человека, в них сидели солдаты. Кухни находились у второй, а то и третьей нашей линии обороны, там же переформировывали войска. Вспоминает Надежда Петровна Саломашенко: «Старшина предложил стирать белье солдатам. Мама и соседка стирали, я гладила на высоком сундуке. Было два утюга, один грелся на печи, вторым гладила. Очень тяжело было так целый день работать, утюги тяжелые, руки все время на весу, голодные сидели. Все были голодные, в том числе и солдаты. Рядом за домом соседей стояла кухня. Я видела, что там готовили. Чистили мелкую-премелкую картошку, как лесной орех, потом и чистить ее перестали – так, помоят немного и в суп. Туда еще немного крупы, и все, никакого жира. Была такая жидкость серого цвета. Нам предлагали за работу с этой кухни питаться, но мы редко оттуда еду брали, уж очень несъедобно. Поэтому и солдаты иногда траву, как и мы, ели по весне, а то и еду у жителей насильно отбирали».

Еду солдатам готовили в селе Поповка, в десяти километрах от линии фронта. Ясно, что доставка срывалась. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Сварит повар, везет на лошади еду на фронт кормить солдат. Немцы заметят с горы, начнут бросать десятки

снарядов, пока не разобьют ее. Лежит в стороне убитая лошадь, повар убит, разбросана каша. Солдаты снова голодные. Им приходилось воровать у жителей. Так, ночью без спроса увели нашу корову, зарезали ее и принесли маме варить мясо. Мама догадалась, спросила у них об этом. Они молчат. Молчит и мама, со слезами на глазах готовила им еду. Война есть война...»

Но большинство жителей вспоминают, как радовались нашим войскам, как хотели помочь, как солдаты их защищали и делились этой скудной едой, особенно с детьми. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Однажды мы стояли в очереди за кашей к солдатской кухне вместе с подружкой Ниной Фатеевой. Нам солдаты не отказывали, но мы всегда становились сзади, чтобы сначала все солдаты поели. Получив еду в котелок, пожилой солдат подошел к нам и сказал:

– Идемте, детки, я вам дам кушать.

Мы пошли с ним. Он нам положил каши в чашки, дал по ложке, гладил нас по голове и любовно приговаривал:

– Кушайте, кушайте. У меня дома осталось трое деток, как они там?

Мы поели, поблагодарили его и ушли в подвал».

Мы нашли свидетелей, которые уезжали из поселка в эвакуацию всего на несколько дней, возвращались домой, видели все, что здесь происходило в то жуткое время. Многие, рассказывая, удивляются: как живы-то остались! Мы, слушая их, тоже этому поражались. Возникло чувство особого уважения к людям, которые пережили все это и остались людьми, смогли жить дальше, растить детей, строить на этой земле новые дома, работать и вообще сохранить раскусудок. В памяти навсегда остаются те, кто ценой своей жизни спас тебя. Раиса Степановна Горбаткова вспоминает: «У нас в огороде была большая воронка от бомбы. Солдаты, которые жили у нас в доме, говорили, что дважды в одно место бомба не упадет. Они прятались в этой воронке. И вот налетели фашистские самолеты, и мы с братом побежали с ними в воронку. И тут бомбы начали на нас сыпаться. И солдаты, фамилия одного была Деревянко, прикрыли нас с братом собою. Одного убили сразу, а Деревянко ранили в позвоночник, выглядывали белые жилы, как он поворачивал голову. Он страшно мучился. Мы отнесли его в перевязочный пункт на улице Кооперативной, он жил еще дня два, а потом умер».

Фронтная жизнь имела свои законы. Здесь размещались разные войсковые части, их штабы, госпитали. Продолжались бомбежки – теперь уже бомбили немецкие самолеты, бомбили днем, по-прежнему летая большими группами. Немцы вели огонь с Волковой горы, стреляли тяжелые пушки по всему, что двигалось. Особенно сильно обстрел ощущали в центре поселка на единственной замощенной улице Московской, где во время распутицы сосредоточивались войска, а также по второй линии обороны на восточной окраине поселка. Даже выйти за водой к колодцу или за топливом из подвала здесь было опасно. Питались всухомятку. Выжить в этих условиях было очень трудно. На первой линии обороны у реки было легче, там меньше били немцы из тяжелой артиллерии, опасаясь попасть по своим позициям. Весь поселок у немцев был разбит по квадратам. Если видели с горы шевеление – солдат пройдет или даже собака пробежит, – снаряды летели туда.

Вспоминает Иван Григорьевич Столбовский: «Ранней весной 1942 года в нашем доме и в доме Климентьевых был полевой госпиталь. Мы в погребе жили. Здесь была вторая линия обороны, окопы шли извилисто, в степи, где сейчас дом Скороходов, был блиндаж. Сюда приносили и привозили на повозках раненых с передовой линии и со всего поселка. В нашем доме жили и работали врач и три медсестры. В нем было всего две комнатухи и кухня, так что в самом доме размещали только тяжелораненых и офицеров. А солдат раненых размещали в окопы, где они ждали, когда их отсюда куда-нибудь отправят. Часто умирали, потому что их было очень много, а медсестрички с ног валились, не успевали всех посмотреть и оказать помощь. Они же и мертвых хоронили, привлекая солдат и жителей. У каждого солдата был медальон, похожий на патрончик. В нем хранились его данные. Медсестры их собирали у мерт-

вых. Хоронили здесь же, в окопах, и дальше по степи, используя одиночные окопы. До кладбища под бомбежками было не добраться. Так что здесь под домами и по огородам на нашей улице много мертвых лежит, никто их не перезахоранивал, так здесь и остались».

Мы впервые услышали о безымянных могилах под ногами и в дальнейшем стали специально расспрашивать о них. Нам открылись страшные вещи. Весь наш поселок, такой чистый, красивый и родной, стоит на костях. На могилах без крестов, без звезд и без памятных плит. На могилах, о которых все забыли, на могилах не только советских солдат, но и мирных жителей, и немцев, и румын, и казаков-предателей, одним словом, на могилах людей. Перезахоронений было относительно немного, только когда что-нибудь строили и вдруг натыкались на кости. Особенно нас потряс факт, рассказанный Еленой Николаевной Белошенко. Мы встретились с ней случайно, когда шли домой из районной библиотеки. Она, показывая на асфальт под ногами, сказала, что во время бомбежки зимой 1942 года здесь на ее глазах погиб неизвестный солдат. Люди, которые находились рядом, его не знали, медальона у него не было. Его похоронили здесь же, в воронке, просто присыпали камнями и комьями мерзлой земли. С тех пор он тут так и лежит, под центральной улицей поселка. Как-то неудобно стало ходить по улице, зная, что где-то рядом под ногами могила. А еще мы подумали, что где-то у него остались родные, которые никогда не узнают, где покоится близкий им человек. Так вот она какая, настоящая могила неизвестного солдата, а вовсе не та, что у Кремлевской стены!

Но дети оставались детьми, им хотелось играть с подружками и друзьями, хотелось бегать по улице. Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Надоело сидеть в подвале и днем и ночью, побегу к подружке в ее подвал. Тепло, я надела сарафан красный и побежала. Метрах в трехстах она от меня жила. Не успела я прибежать, как три снаряда полетели на меня. Ох, и было мне от солдат! Они меня ругали, говорили, что я красным сарафаном немцам сигнал подала – бить сюда. Мне было стыдно». Иван Григорьевич Столбовский вспомнил, как убило Ивана Соседкина, на два года старше его. Дети играли на улице, перебегали из подвала в подвал через дорогу. Снаряд разорвался рядом с мальчиком. Ему пробило грудь насквозь. Его похоронили в их саду, на кладбище под обстрелом было не попасть. Сейчас это огород других людей. Это тоже забытые могилы жертв войны.

Нам рассказывали, что таких могил было много.

Нельзя сказать, что военное начальство не пыталось вывезти жителей с линии фронта. Но, расспрашивая людей об эвакуации, мы видели, что она еще больше увеличивала страдания большинства из них, что люди были не устроены на новом месте, что многие возвращались обратно, под бомбы и разрывы снарядов, но к своему очагу. Многие говорили, что после бомбежки самое страшное – эвакуация.

Вспоминает Надежда Петровна Саломашенко: «Пришли военные и приказали всем эвакуироваться. Кто не пойдет – вплоть до расстрела. 5 декабря 1941 года был снег с дождем, сильный ветер. Сзади и по бокам стреляют, а по дороге на Политотдельское сплошным потоком идут люди. Шли ночью. Повесили на спины котомки, бредем по каше из мокрого снега. Сбоку дороги, вижу, сидят дети, потерялись, плачут, сзади бежит мать и кричит, воют собаки, кричит скот. Я все спрашивала:

– Сколько мы прошли?

Мама отвечала:

– Километр... Два...

Я думала, не дойду до конца. Дошли до Кубрина. Поселили в большом пустом доме. Раньше там немцы-колонисты жили, которых в августе 1941-го выселили. Спали на полу, рядами, как были, в мокрой одежде. Жили так, пока не кончились продукты. Кормить нас там было некому. Вот и пошли мы домой обратно. А здесь – шаром покати, все, что оставалось, забрали для солдат. Я думаю, нас специально выселили, чтобы продукты забрать». Из воспоминаний Антонины Алексеевны Ниценко: «Нас пытались эвакуировать в Марьевку. Пришли

туда, дождь со снегом идет, а крыши над головой никакой. Мама плачет, дети кричат. И солдатам крыши нет, но у них хоть плащ-палатки, ими прикрывались, а мы под дождем со снегом мокнем и замерзаем. Мама попросила офицеров:

– Ради Христа, верните меня в мой подвал, мы там хоть 30 человек сможем жить, все крыша и еда кой-какая есть!

И нам выделили три подводы, с нами еще соседи поехали, нас вернули на фронтную полосу. Тут мы и жили все время».

Вспоминает Любовь Корнеевна Авдеенко, 1934 года рождения: «В начале 1942 года нас погнали в эвакуацию. Маленькую Анюту (ей было четыре года) завернули в кофты и положили на телегу. Мы – мама и нас трое – шли сзади пешком. В спешке не заметили, как Аня упала с телеги. Когда мать обнаружила это, хотела вернуться, а солдаты не пускали, потому что немцы там стреляли. Мать сказала:

– Убейте меня, а я вернусь за дитем.

И солдаты вернулись вместе с нами и нашли Анюту. Она мирно спала на дороге около старого кладбища по Московской улице.

Нас эвакуировали в Плато-Ивановку Родионо-Несветаевского района».

Неизбежно между хозяевами и эвакуированными возникали какие-то человеческие отношения, если удавалось устроиться в каком-то доме. Часто именно от них зависело, оставались ли эвакуированные пережить трудные времена в этом месте или же возвращались обратно. Из воспоминаний Екатерины Ивановны Резниченко: «Нас эвакуировали в Марьевку. Никто не пускает, на улице ночевали, погода – дождь со снегом. Утром сельский совет нас распределил. Хозяйка была гадюка. Нас пустили только в холодный коридорчик, дверь закрывали, тепла нам совсем не было. Мама родила Виктора, помыться негде, холодно, хозяйка не пускает в дом. Прошел военный, посмотрел, ничего не сказал ей. Я ему и говорю:

– У вас есть чувства?

Рассказала ему о маме и братике. Он приказал хозяйке открыть дверь в дом из коридорчика и, чтоб было тепло, не закрывать.

А вскоре и хозяйке пришлось ехать в эвакуацию, немцы наступали. Забегалась, у нее много скарпунков с продуктами было, а взять нельзя. Осталась голой, как мы».

Особенно плохо, как вспоминают все наши очевидцы, к беженцам относились в казачьих районах Ростовской области. Там их считали иногородними, раз они не казаки, часто не пускали во двор. Раиса Степановна Горбаткова вспоминает: «В феврале 1942 года нас эвакуировали, мы шли пешком в сильный мороз ночью. Кругом стреляли осветительные ракеты. Дошли до Кубрина. В сарай затолкали 57 человек. Спали один на другом. Через какое-то время нас, восемь человек детей из Матвеева Кургана и бабушку 80 лет, посадили на грузовик и повезли в казачьи станицы под Персиановку. Подъехал шофер ко двору, мы просим воды, а казачка вышла и сказала:

– Нет тут вам воды, едите дальше!

И она заперла колодезь, он у них на замок запирался. Шофер ее долго просил, но она так и не отомкнула. Он подвез нас к роднику под горой, там мы напились. Он нам спускаться с машины не разрешил, а носил нам воду в котелке. С родителями встретились уже на квартире у хозяев, с трудом нас разыскали». О таком же отношении вспоминает Надежда Ивановна Панченко, Надежда Петровна Саломашенко и некоторые другие. Однако попадались и хорошие люди, которые понимали, что люди попали в беду, делились, чем могли.

Вспоминает Любовь Корнеевна Авдеенко: «В эвакуации жили у людей вместе с курганской семьей. Хозяйку звали тетей Капой. Мама очень болела малярией, не думали, что выживет. Солдаты поили ее хиной, она была вся желтая. Ей очень хотелось куриного бульона, она верила, что если поест его, то выздоровеет. Тетя Капа отдала нам свой отрез, который хранила

с довоенного времени, а тетя Аксюта, другая женщина из Кургана, что жила с нами, сменяла его на хуторах на курицу. Мама поправилась».

Но часто война настигала беженцев и в эвакуации. Эвакуировали их всех недалеко, иногда в села и хутора Матвеево-Курганского района, иногда в соседний район, Родионо-Несветаевский. От линии фронта – не больше чем за 70-100 км.

Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «Фронт остановился, атаки учащались. Командование приняло решение: выселить жителей. Мы не хотели уходить, но приказ есть приказ. Первый раз ушли ночью в Политотдельское. Атам тоже обстрелы, еще страшнее, день и ночь бьет немецкая артиллерия. Мы ночью ушли домой. Снова пришли солдаты: „Уходите, вам здесь быть нельзя“. Пошли вместе с соседями тоже ночью. Ветер с мелким дождем, понуро бредут беженцы. Но куда идти? Подальше от линии фронта и все. Остановились в хуторе Бутенко, недалеко от Кубрино.

Через неделю в хутор нагрянуло много войск. Теснота, мы ушли в другую хатку, на окраину. Обстрелы страшные. Самолеты немецкие нагло над головами летают, бомбят. Много солдат убило. Копать ямы не успевали, да и обстрел мешал. Так убитых бросали в колодец. Я заглянула в один, испугалась. Там тела лежали в беспорядке, то рука торчала, то нога. До самого верха колодец был забит».

Как-то не хочется комментировать такие рассказы. От ужаса, которым веет от этих подробностей, кончаются всякие слова. Это правда любой войны.

Трудно сейчас рассуждать, виновны ли власти в том, что беженцы оказались так не устроены, что многие из них не имели никакой возможности прокормиться и вообще можно ли было все организовать лучше? Страна переживала тяжкие испытания. В оккупации и в районах боевых действий оказалось очень много людей. Наверное, вывезти, как-то спасти всех не было возможности. Но поражает равнодушие местных властей. Только в одном случае мы столкнулись с каким-то участием сельского совета, а так получается, что властям было не до проблем несчастных бездомных людей, эвакуированных в их местность.

Из эвакуации большая часть жителей вернулась, когда в те места, куда они были эвакуированы, тоже пришли немцы на гребне наступления на Сталинград.

Лишь немногие, у кого здесь не осталось жилья и кому удалось наладить отношения с хозяевами, вернулись после окончательного освобождения района.

ИСТОРИЯ АТАКИ 8 МАРТА 1942 ГОДА. ГЛАВА В ГЛАВЕ

На той самой решающей высоте 105,7 метра, или, как ее зовут у нас, Волковой горе, сегодня стоит памятник. Его видят все издалека. Это якорь высотой восемь метров. Нас всегда интересовало, почему он там находится? Ведь море не близко. Став старше, мы слышали в школе о трагических событиях, произошедших 8 марта 1942 года, но больше нам рассказывали о героизме моряков, штурмовавших эту высоту, чем о подробностях, связанных с гибелью, как мы считаем, напрасной, тысяч людей. И вот мы расспросили очевидцев, которые имели возможность наблюдать за атакой, изучили материалы печати, прочитали воспоминания военных. Но, как и прежде, мы смотрим на эти события глазами не военных, а мирных жителей, людей, живших здесь в это время. Может быть, взгляд немного однобокий, может, существовали какие-то оправдания массовой гибели лучших войск, может, профессиональные военные имеют другой взгляд. История этой атаки нас взволновала, не прошла она бесследно и для тех, кто в детстве наблюдал за гибелью моряков.

Мы приводим свидетельства детей, видевших эту атаку. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «У нас стоял в доме штаб, ко мне хорошо офицеры относились, даже учили стрелять из пистолета. На чердаке сделали наблюдательный пункт – далеко от окопов, правда? Оттуда смотрели в бинокль на атаки. Мне тоже давали в бинокль посмотреть. 8 марта было

хорошо видно, как морячки в черных бушлатах по белому снегу бегут на пулеметы. Очень много их погибло. Обещанные танки не пришли. Пойма долго была нейтральной полосой, убрать оттуда всех было нельзя, а когда наши отступали к Сталинграду, те, кто косил там сено, рассказывали, что трупы лежат очень густо». Петр Егорович Журенко вспоминает: «Мы с друзьями видели, как морячки бежали в атаку. Они прорвали фронт, но не смогли до конца удержать. Все поле было черным от погибших морячков. Мы сидели на трубах сгоревших домов и оттуда наблюдали».

Из записок Антонины Григорьевны Шелковниковой: «В начале марта в поселок прибыли моряки-черноморцы. Красивые, молодые, уверенные в себе. Мама смотрит на них и плачет. Они говорят маме:

– Чего вы плачете, мы же моряки, мы победим!

А она им говорит:

– Эх, детки, немец вооружен до зубов.

Рано утром, почти рассвело, моряки переправились через Миус и пошли пешком по снегу в атаку на Волкову гору. До горы два километра. Я побежала к двухэтажному дому (бывшее общежитие механизаторов МТС). На втором этаже смотрел солдат в подзорную трубу и говорит мне:

– Посмотри, как моряки в атаку идут!

Я посмотрела в трубу, шли моряки в шахматном порядке. Их отлично было видно, ведь вокруг был белый снег. Ноги увязали в снегу и в грязи под ним, идти было трудно. Смотрю я в трубу и говорю:

– Ой, уже убитые лежат?

– Нет, это моряки свои бушлаты поснимали и идут в тельняшках.

На фоне белого снега их фигуры казались серыми.

– Почему выстрелов нет, снаряды не рвутся? – спрашиваю у солдата.

– А немцы утром не стреляют. Солдаты на ночь уезжают спать в село Латоново, остаются одни патрули на огневых точках. К обеду приедут, и завяжется бой. Мы это проверяли.

Так и получилось. К обеду прибыли не только солдаты, но и танки, и новые силы врага. К ночи бой утих. На поле боя остались лежать раненые и убитые».

Может быть, в записках Антонины Григорьевны действительно раскрыта причина относительно легкого завоевания Волковой горы до обеда 8 марта – то, что немцы ночевали в Латоново, и были только боевые охранения на высоте, которые и сообщили об атаке, а после обеда подошли основные силы с подкреплением.

Бои продолжались еще два дня, к 10 марта они были приостановлены. «В ходе трехдневных боев 68-я морская стрелковая бригада потеряла убитыми и ранеными 2100 человек. После неудачного наступления командир 68-й морской стрелковой бригады капитан второго ранга Г. К. Иванов был отстранен от командования бригадой, вместо него назначен полковник Шаповалов... В итоге боев с 8 по 17.03 68-я морская стрелковая бригада потеряла 2532 человека, в том числе убитыми 639 человек и ранеными 1893 человека»⁸.

Такое бессмысленное и кровавое уничтожение тысяч воинов оставило глубокий след в душах жителей. Отстранение от должности казалось им несущественным и вовсе не наказанием за такую вину...

Сельсовет мобилизовал жителей, в том числе подростков, на захоронения погибших. Об этом нам рассказал Николай Платонович Моисеенко, 1929 года рождения. В захоронениях участвовал его друг, Михаил Еловенко, ему было 15 лет (к сожалению, сам Еловенко с нами разговаривать не стал, сказал, что вся правда о войне нам ни к чему, будем спать лучше и вообще лучше читать книжки, в них власть знала, что писать!). Но, несмотря на это, мы счи-

---

⁸ Боевая летопись военно-морского флота 1941–1942 годов. М.: Воениздат, 1983. С. 426–427.

таем, что делаем дело очень важное: как же мы узнаем правду, если нам ее не расскажут те, кто непосредственно участвовал в этих событиях? Николай Платонович Моисеенко рассказал, что на месте, где сейчас находится Мемориал, была большая воронка от авиабомбы. В ней хоронили убитых, в том числе и погибших моряков, и мирных жителей, и погибших солдат других частей. Мертвые тела кидали туда, и никто не считал, сколько их там, просто обрушивали края воронки, присыпали кое-как, и новых хоронили сверху, и опять присыпали. Для нас это стало открытием. В районном отделе культуры мы нашли «Информационный паспорт № 1 объекта историко-культурного наследия. Наименование памятника: Мемориал „Погибшим воинам“». В документе сказано, что «в братской могиле похоронено офицеров 45 человек, солдат, сержантов и старшин 400 человек. Автор (скульптор) Валентин Иванович Перфилов. Дата создания 1968 год». Но мы склонны верить людям, подтверждающим слова Николая Платоновича Моисеенко о том, что никто не считал мертвых в этой могиле. Мы имеем свидетельства, что там хоронили умерших жители окрестных улиц и во время сильных бомбежек, и позже, когда обессиленным от голода трудно было добраться до кладбища и копать там могилу. Некоторые говорили, что уже в 1943 году туда кидали и немцев, умерших во время боя во дворах у жителей. Да и моряков, и солдат, похороненных там, не считали. Никаких документов мы не обнаружили, а участники захоронения говорили, что никто из начальства ничего не писал, уж очень их мало было, начальников на линии фронта, да и бомбежки не прекращались.

Николай Иванович Бондаренко, 1937 года рождения, вспоминает: «Когда наших морячков побил на берегу, мы с другом (нам было лет по шесть-семь) возили на тачках мертвых на кладбище. Найдем где в поселке или за рекой мертвяка, погрузим на тачку – сначала голову грузим, потом ноги – и везем на кладбище... За один рейс давали рубль, хоть одного привези на тачке, хоть двух. Могли заработать за день пять-семь рублей, на четверть булки хлеба. А вшей на мертвых было! Крупные такие. Мать придет с работы (ее тоже куда-то посылали), выварит одежонку от вшей, высушит, а утром опять идем. Голодные были, а тут какой-то заработок». Трудно представить современного первоклашку за таким занятием – собирать мертвых и отвозить на кладбище за рубль под бомбежкой и обстрелами. Как тяжело и страшно было это делать маленьким детям!

Нам понятно отношение к умершим в 1943-м, когда главной задачей было их все-таки как-то похоронить и сделать землю в прямом смысле слова пригодной для обитания живых. Но сегодня, в пышности празднеств и фейерверков, мы опять забываем о мертвых, отдавших жизни за нас, за то, чтобы мы вообще жили. А между тем с высоких трибун слышим: пока не похоронен последний солдат, война продолжается. Можно ли считать, что солдат похоронен, если неизвестно вообще, сколько их там? Или же наспех зарытые окопы с мертвыми – тоже захоронения? Или же трупами наполненные колодцы? Или забытые могилы в огородах или под домами, построенными после войны? Или мирные жители, погибшие на линии фронта?

ВТОРАЯ ОККУПАЦИЯ МАТВЕЕВА КУРГАНА 22 ИЮЛЯ 1942 ГОДА – 17 ФЕВРАЛЯ 1943 ГОДА

22 июля 1942 года в Матвеев Курган вошли немецкие войска. Началась вторая оккупация поселка. Вновь открылись комендатура, жандармерия, вновь появились полицейские из местных предателей. Снова полное бесправие, унижения от оккупантов, снова ощущение бессилия. Некоторые жители возвращались из эвакуации из мест, тоже занятых немцами. Вспоминает Надежда Ивановна Панченко: «В мае 1942 года нас вывезли в Кизетеринку. Казаки там нас принимали плохо, не кормили, говорили:

– Сталин вас привез, Сталин и увозит (имели в виду на кладбище, что мы поумираем все от голода).

И когда немцы стали наступать на Сталинград, жить там стало нельзя. Мы запрягли в маленькую тележку старую лошадь и корову (их никто не забрал, потому что они были старые и слабые), погрузили вещи и пошли навстречу немцам. Их колонны шли с танками, они ехали сверху, играли на губных гармошках, смеялись над нами и даже фотографировали, кричали:

– Сталин транспорт!

Мы шли пешком рядом, на тележку садились, только когда кто-то сильно устанет».

В здании конторы нефтебазы немцы открыли школу. Учителя были из Германии. Учили немецкому языку и биографии Гитлера. Учеников было немного, около 20 человек. Планировалось там учить детей до третьего класса, то есть давать начальное образование. На этом для русских оно должно было закончиться. Но учение продолжалось месяца два, а с наступлением наших войск учителя уехали.

В августе 1942 года через Матвеев Курган проходили колонны наших военнопленных. Тяжело было видеть своих солдат в таком положении. Из воспоминаний Екатерины Ивановны Резниченко: «Услышали шум. Лаяли собаки, что-то кричали немцы, вообще был гул. Выскочили посмотреть. Возле пожарки по улице Таганрогской шла колонна пленных. Ее гнали автоматчики с собаками. Ее начало было здесь, а хвост вился у Ротовки, шли в ряду по шесть-восемь человек. Жители прибежали и начали кидать в колонну продукты. Началась суматоха, немцы стали стрелять в воздух и по пленным, а нас отгоняли пинками. Но все равно колонна сбилась, началась свалка. Несколько человек сумели убежать. Пленным удалось спуститься в подвал по улице Разина, где жили соседи. Но охрана пленных оттуда вытащила и расстреляла во дворе, а соседей, правда, не тронули. Солдат этих закопали в огородах под шелковицей. Их никто потом не перезахоранивал, так они там и лежат. А вечером мы у своей коровы в яслях обнаружили солдатику, спрятали его, накормили, переодели, и ночью он ушел. Мама моя жила до 96 лет, умерла только два года назад, и часто его вспоминала, удалось ли ему выжить? Очень он ей тогда понравился, человек был хороший, сразу чувствовалось».

Раиса Степановна Горбаткова вспоминает: «Когда немцы гнали колонну наших пленных из-под Сталинграда, мама сказала, чтобы мы понесли им еды. Я набрала картошки, морковки, свеклы и бросала пленным. Подскочил немец и ударил меня кованым ботинком по ноге ниже колена. На третий день нога у меня воспалилась. У нас в хате поселились немцы, какие-то некрасивые все, толстые, рыжие и мордатые. Они ремонтировали мотоциклы. Я лежала в комнате на кровати, а потом зашел немец, увидел мою ногу, закричал:

– Век, век, шайзе! (вон, вон, гадость!)

Нас всех выселили в коровник, я лежала рядом с коровой, жили мы в хлеву и в окопе. Меня брат тягал в окоп во время бомбежки. Потом корову угнали немцы, стало нам совсем худо, пока не пришли наши. Я семь лет была прикована к постели, нога гнила, и я не могла потом долго на ноги подняться. Только когда голод кончился, в 1950 году, Бог помог на ноги встать».

Мы обратили внимание, что жители считали за доброту иногда просто то, что немцы их не трогали или что просили о каких-то услугах, а не приказывали хозяевам тех домов, где размещались. Вспоминает Антонина Алексеевна Ниценко: «У нас была дойная корова. Пришел молоденький офицер в портупее, посмотрел на деток и говорит:

– Млеко киндер? (дети молоко пьют?)

Мама сообразила, в чем дело, и предложила, что один день весь удой им будет отдавать, а один день мы его будем пить. Офицер обрадовался. И мы честно отдавали им через день столько молока, сколько надоится. А во дворе у нас была копна сена и копна соломы. Рядом по соседству находился комендант железнодорожный, и вот один шофер повадился в морозы машину радиатором затыкать в стог, чтобы она легче заводилась. Раз так сделал, второй... Мать забеспокоилась, что корова не станет есть вонючее от бензина сено, что тогда? Пожаловалась тому офицеру, что за молоком приходил. А он сказал, чтобы пожаловались коменданту, ведь

он тоже молоко пьет. И мама, обмирая от страха, пошла к коменданту. Тот выслушал через переводчика, ничего не сказал, а мать была рада, что вернулась жива. Больше тот шофер так не делал».

На восстановительные работы на железной дороге заставляли ходить и местных жителей. У людей просто не было выбора: или работать на оккупантов тут, или угонят в Германию. Этого боялись больше всего. Доходили слухи о мучениях в концлагерях, видели, как обращались с военнопленными немцы. Даже если повезет и попадешь к хозяину, а не в лагерь, то все равно будешь на положении раба. Иного отношения не ждали, видели, как здесь к местным относятся, но на родине все же проще, чем в чужом краю. Вспоминает Любовь Корнеевна Авдеевко: «Были девушки, которые, чтобы не угнали в Германию, гуляли с немцами. Им потом, когда пришли наши, за предательство дали по 10 лет лагерей, но они отсидели, живут себе благополучно до сих пор. А те, которых угоняли, многие погибли в концлагерях. Одну чуть не убил ее дед за то, что гуляла с немцами. Она от позора уехала в Краснодарский край к деду, а он узнал и чуть ее не придушил, родные отняли и прогнали – езжай, от греха, откуда приехала. Она вернулась обратно, и тут ее посадили». Мы расспрашивали, а не могло ли возникнуть настоящей любви, ведь все же люди. Но наши очевидцы говорят, что у таких девушек ухажеры сменялись, когда один уезжал в отпуск, или на фронт, или еще куда-нибудь, то сразу новый находился. Какая уж тут любовь!

Вспоминает Мария Васильевна Волощукова: «Была учительница немецкого языка, немцы заставили ее быть переводчицей. Потом, когда наши узнали, что она на немцев работала, ее расстреляли. Это было сразу после освобождения». Иногда люди не могли отказать не столько немцам, как своим же односельчанам, когда их выбирали старостами. Вспоминает Иван Григорьевич Столбовский: «Немцы захватят село, соберут людей и заставят выбрать старосту. И вот выбрали Беликова в Петровке. Беликова вызывают в комендатуру и заставляют отчитываться. Он, как только его избрали старостой, пораздавал колхозное добро людям, чтобы не досталось немцам. Когда его в комендатуру вызывали, он не знал, вернется домой или нет, поэтому меня с собой брал, чтобы я рассказал родным, если его не выпустят. Каждый раз как в последний к немцам шел. Когда наши пришли, он с котомкой пришел к нам:

– Где тут штаб, я пришел сдать сам, потому что был старостой, чтобы меня не искали.

Его забрали, но где он, я не знаю. Не слышал, чтобы он сидел. У него сыны были большими офицерами в нашей армии».

Но были и случаи прямого предательства. Вспоминает Антонина Алексеевна Ниценко: «В августе 1942 под Ротовкой упал наш самолет, а летчику удалось спастись в кукурузе. Люди его прятали, а выдала одна дивчина с Таганрогской улицы. Его немцы куда-то увезли. Так когда наши пришли, ей дали 25 лет лагерей». Все рассказы оканчиваются именно так – предателей ждет возмездие. Может быть, здесь желание справедливого конца, как в детской сказке, может быть, какое-то назидание нам от людей, столько переживших: даже минутная слабость в такие непростые времена будет наказана, а уж о предателях и говорить нечего! Их возмездие должно наступать везде, суд должен быть скорым и справедливым! Здесь мы узнали, что многие люди старшего возраста поддерживают до сих пор репрессии по отношению к предателям, считая, что Сталин был прав в жестком, даже жестоком наказании их.

Больше всего жители, рассказывая о предателях, говорили о казаках, служивших немцам. Мы видели, что здесь смешалось все: и давние притеснения иногородних на Дону, какими считали жителей нашего района – не казаков, и казачья надменность, и усердная служба оккупантам. Казаки в нашей местности патрулировали дороги. Вспоминает Лидия Николаевна Шаталова: «Мать вышла замуж перед самой войной в село Троицкое. Я жила у бабушки в Матвеевом Кургане. Меня возили на бричке туда-сюда всю войну. Самое страшное при поездке было нарваться на казачий полицейский пост. Служили там старые казаки, не годные для строя, но очень злые. Они могли убить ни за что, всегда устраивали обыск в вещах, кидали на дорогу

детские мои вещички и заставляли подбирать из пыли и грязи. Но при немцах вели себя лучше. Бабушка, когда видела, что полицаи-казаки с немцами вместе, говорила: „Слава Богу, казаки вместе с немцами, даст Бог, уцелеем“».

О том, что происходило теперь на фронте, в стране жители не знали. Радиоприемники конфисковали еще в начале войны советские власти. Было разрешено только слушать радио по трансляции, но в оккупации оно не работало. Новости, которые печатались в немецких листовках, считали лживыми. Поэтому ловили любые слухи о событиях на фронте, самые невероятные, лишь бы они отличались от немецких листовок.

Наше внимание привлекли рассказы о румынах. Массы румын прошли через наши края сначала вместе с немцами на Сталинград, а потом были первыми вестниками того, что не все у врага ладно на фронте, раз союзники покидают его, да еще в таком виде. Вспоминает Антонина Алексеевна Ниценко: «Румыны в основном в кавалерии служили. Были очень красивыми, когда на фронт ехали. Усы, завитые в кольца, какие-то нашивки золотые на мундирах, лошади гарцуют с подрезанными хвостами. А обратно пошли зимой, бросили фронт под Сталинградом. Сопливые, в обмотках, грязные, вшивые. Немцы их били прикладами, потому что они пытались залезть в вагоны, чтобы уехать на запад. Гитлер их обманул: обещал отдать Украину под дачи офицерам, а потом отказался, вот они и пошли с фронта, подкузьмили Гитлеру!» Конечно, не совсем точно передает Антонина Алексеевна причины бегства румын с фронта. Поражение под Сталинградом было таким явным, что союзники поняли: это начало конца гитлеровской Германии. Румыны первые бросили фронт, еще до наступления Нового года. Иван Петрович Журенко рассказывает со слов своей матери: «Когда первые румыны стали уходить из-под Сталинграда, не дожидаясь января 1943 года, их тут встретили немцы и в Солоной балке расстреляли около 200 человек. Их никто не хоронил, долго еще кости находили в балке». Зима 1942/43 года в отличие от прошлой, слякотной, была морозной и снежной. В наших южных краях замело так, что иногда утром выходили через лаз в потолке на чердак и только потом могли откопать дверь от снега. А каково такой ночью в степи? Приходилось на постой проситься к жителям. Надежда Ивановна Панченко рассказывает: «Румын мы не боялись, хотя добро от них стерегли. Они очень боялись немцев, и стоило им сказать: „Комендант“, как они начинали вести себя прилично. Стучали, когда просились на постой. Мой маленький племянник, который только начал говорить, показывал: „То, то?“ (кто, кто? – и стучит в дверь), „Мыны, мыны (румыны, румыны)“». Однако, когда их было много, с хозяевами они не очень церемонились.

В нашей школе немцы открыли госпиталь. Раненых из-под Сталинграда было очень много. Часть из них умирала. Немцы для всех делали гробы, просто так не хоронили. Умерших офицеров старших чинов отправляли в Германию. Целые эшелоны с гробами видели люди: оттуда с пустыми гробами, туда – с мертвыми. Рядом со школой, по свидетельствам очевидцев, было 250–300 немецких могил. Их потом, когда пришли наши, выкопали и вывезли на скотомогильник. Несколько подвод было доверху груженных, и не один раз они вывозили трупы, ездили по поселку туда и обратно. Гробы использовали на растопку. И вновь оказывается, что мы живем на могилах – пусть и врагов, но людей. И, кстати, жителям, пережившим весь ужас оккупации, вовсе не понравилось извлечение мертвых из могил, все они говорили, что напрасно прах потревожили, мстить мертвым нехорошо.

Немцы, жившие на постое в Матвеевом Кургане, стали готовиться к отступлению. Было ясно, что фронт опять приближается. Участились бомбежки, жители снова надолго переселились в подвалы. Вспоминает Раиса Степановна Горбаткова: «Опять в 1943 году при отступлении немцы стали все жечь. Дома обливали керосином, зажигали изнутри, разбивали окна и кидали туда факелы. Пелагея Соседкина как раз рожала в то время, когда с двух сторон подожгли ее дом. Люди помогли ее вытащить, а она страшно кричала, не понять от чего, от пожара или от родов. Родился мальчик Виктор, но его уже нет, умер взрослым». О том, что

опять специальная команда жгла уцелевшие дома, вспоминают и другие свидетели. Причем на этот раз они зажигали дома изнутри, спасти его от пожара было уже нельзя, громили каждый уцелевший дом.

Многие немцы, которые здесь стояли долго, понимали, что уже с хозяевами не встретятся. Вспоминает Моисеенко Виктор Матвеевич: «У нас был какой-то штаб. И адъютант молодой любил с мамой беседовать. Когда они отступали, он заскочил к нам:

– Мама, скоро твой брат придет. Гитлер Сталинград капут!»

Период оккупации лег тяжелым пятном на биографии старшего поколения. Правды о том, как здесь жили оставленные во власти врага люди, руководители страны знать не хотели, подозревая, наоборот, всех своих граждан в предательстве. Потому так мало награжденных в нашем районе медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» или «За оборону Кавказа», так мало отмеченных какими-то наградами. А между тем они были, как мы убедились, настоящими фронтовиками, не входящими ни в какие списки. Но эти фронтовики не могут надеть ордена ни на какие праздники.

МАТВЕЕВ КУРГАН НА ЛИНИИ МИУС- ФРОНТА 17 ФЕВРАЛЯ – 29 АВГУСТА 1943 ГОДА

Вспоминает Федор Федорович Ростенко (он живет и сегодня на улице Таганрогской рядом с нашей школой): «Сюда (показывает на дорогу) рано утром подошел броневик, на нем ехали капитан, старшина и солдаты, человек восемь. Дальше прямо за школой было несколько домиков, и до МТС было поле. Оттуда начали стрелять. Старшина поехал и привез шесть казаков. Они воевали за немцев. Офицер велел им вывернуть карманы, там были патроны, наши и немецкие. Мы, пацаны, крутились тут же и собирали их. Казаков увели и расстреляли в балке по Таганрогской улице сейчас же». О захваченных нашими войсками казаках вспоминает и Столбовский Иван Григорьевич: «Были доты и дзоты по пригорку, где сейчас улица Ростовская, возле современного элеватора. Немцы отошли на Волкову гору, а казаки остались и еще два дня стреляли оттуда из винтовок и пулеметов. Их окружили по лесополосе вокруг железной дороги, а с другой стороны выехали броневик и танкетка. Думали, что там немцы засели. Казаки увидели, что их окружают, и захотели сбежать к немцам на гору, выбежали из своих укрытий в лесополосу, там их и поймали. Их было больше 20 человек. Их пригнали в соседнюю с нами хату, допрашивали трое суток. Среди них были два малолетки, почти наши ровесники. Все были в казачьей форме, и мальчишки тоже. Все они стреляли в наших. Их расстреляли всех после допросов и захоронили в балке, где сейчас построен мясокомбинат». Эти расстрелянные казаки – тоже могилы у нас под ногами.

Армии Южного фронта упорно в течение нескольких недель стремились прорвать фронт, развить наступление. Войска несли большие потери, но сил выполнить поставленную командованием задачу не было. Вновь немцы закрепились по гребню Волковой горы, вели обстрел поселка с высоты. Но наши войска на этот раз свои укрепления не стали возводить в самом поселке, а заняли удобные позиции по холмам на восточной окраине Матвеева Кургана. Он оказался весь в нейтральной полосе – здесь не было ни немцев, ни наших, только жители, которых обстреливали и те и другие, бомбили и те и другие.

Хоронили мертвых на этот раз не в самом поселке. Мы нашли свидетелей таких захоронений. Вспоминает Валентина Федоровна Ковалева, которая во время войны жила в хуторе Борисовка: «При нашей армии в нашем доме был штаб, нас выселили из дома, мы жили у соседей. Видели машины с убитыми, которые приезжали, когда темнело. Мертвых привозили на грузовиках, накрытых брезентом. Всю ночь штабные работали, что-то писали, а рано утром их хоронили. Мы старались прийти, смотрели, искали родных. Копали ямы экскаватором, огром-

ные, как силосные. Мертвых клали штабелями, один ряд на другой. В яму хоронили по 1000 человек. Там есть несколько таких могил, кладбище называется братское».

В архиве мы обнаружили протоколы о захоронениях воинов Красной Армии на территории Матвеево-Курганского района с № 11 по № 32, никем не подписанные, нет и дат их написания (других протоколов, например с № 1 по 10, нет, и архивные работники не смогли их найти в других архивах). Протокол № 26: «Братское кладбище, 98 могил, около 5000 воинов Советской Армии, погибших в годы ВОВ, расположено на юго-восточной окраине хутора Борисовка. Воины, погибшие в бою, привозились с передовой линии фронта и хоронились в феврале-мае 1942 года и в марте-июне 1943 года, среди захороненных пехотинцы, артиллеристы, моряки и кавалеристы 4-го кавалерийского корпуса. Звания и фамилии не установлены...» Это только один из подобных документов, но это одно из самых крупных захоронений. Почему написано, что люди неизвестны, хотя работал штаб, для нас остается загадкой. Но большинство мертвых здесь похоронены именно в 1943 году, хотя и в 1942 году потерь было не меньше. Только «по данным 1947 года, не включая территорию бывшего Анастасиевского района, погибло 20 718 человек»⁹. Это данные только о советских воинах, погибших на Миус-фронте (а мы уже знаем, что учтены не все), а мертвые немцы, румыны, казаки, воевавшие на том же Миус-фронте на стороне немцев, мы думаем, удваивают количество погибших здесь; а еще были и погибшие мирные жители! Поистине обильно полита кровью наша земля. Вот она та цена победы, о которой поется в песне: «...нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим»!

Антонина Григорьевна Шелковникова зиму 1942/43 года жила у бабушки в Латонове, болела тифом, очень тяжело пережила эту зиму. В ее записках рассказывается, как она переходила фронт, и мы можем вместе с ней мысленно проделать этот путь. Девочке было 12 лет. «В феврале рано утром раздался гул взрывов в Матвееве Кургане. Бабушка Мавра сказала:

– Иди домой, мамка тебя ждет. Смотри, вон идут меняльщики в город. Иди и ты с ними, но не на Курган, а через Ряженое, там гула не слышно.

Дала бабушка кусок хлеба, и я пошла. Снег подтаял, иду долго. Шлепаю в сапогах, сверху снег, снизу вода. Шла с тетями долго. Вот они повернули в город, я осталась одна в поле, и страшно, и нет. Вдруг сразу обрывается местность. Внизу – долина реки Миус, под горою – село Ряженое. Вдали в Матвееве Кургане огненные взрывы, гул. Видно, шел бой. Иду дальше, спускаюсь к берегу, перехожу мост, прохожу село. Кругом ни души. Страшновато, ни звуков, ни взрывов, ни людей. Иду за село к железнодорожной линии. На окраине дом. В белых халатах сидят два немца с пулеметом. Прохожу. Они молча поглядывают, но меня не трогают. Остановилась у железной дороги. Куда идти? Решила идти вдоль берега реки и железной дороги по посадке. Иду, в сапогах воды полно. Сяду, вылью воду и иду дальше. Оглядываюсь, нет ли немцев. Слышу звук танка за посадкой. Рокошет машина, остановилась и начала стрелять из пулемета в мою сторону. Вижу, впереди белый снег и веточки бурьяна падают, сбитые пулей. Страха нет ни капельки, а мысль мелькнула такая: вот убьют меня здесь немцы, а мама не узнает, где я. Я присела, посидела минут пять. Слышу, машина уехала обратно. Тишина. Я пошла дальше. Вижу хутор Колесниково, выхожу к нему через железную дорогу. Наши солдаты! Радость охватила. Свои ведь. Иду по дороге. Выскочил один солдат, подбежал ко мне, испугавшись, спрашивает:

– Ты откуда? Ты шпионка, да?

Я молчу. Он просит разрешения у командира отвезти меня в Матвеев Курган в штаб. Тот дает согласие. И мы вдвоем пошли. Ведет в штаб. Проводит мимо нефтебазы и школы. А штаб напротив нее. В Кургане много танков, солдат, везде машины. Шум, разговор. Уже вечереет. Заводят в штаб. Начальник на меня грозно закричал:

– Кто ты и откуда?

---

⁹ Архив. Ф. 9. Оп. 4. Д. 503. Л. 2.

Я сказала, что была у бабушки в Латоново и шла домой.

– Что у тебя в мешке?

Я показала кусок хлеба и пуховой платок.

– Ты шпионка, да?

Я заплакала и сказала:

– Вон моя хата. Там мама.

Тогда он смягчил голос, поднес мне карту и спросил:

– Какие хутора проходила? Видела ли бочки с горючим, немцев?

– Да, видела, около хутора за горой. Имя его не знаю. Немцев мало, а бочек много. Он что-то пометил в карте. Сказал мне:

– Спасибо, иди домой.

Мама, увидев меня, от радости закричала:

– Как ты прошла линию фронта и осталась жива?

Рядом с хаткой стоял танк. Мама вышла к танкистам и сказала:

– Уезжайте от дома, а то хата моя от грохота орудий развалится. У меня дети. Танк уехал».

На этом записки обрываются. Но мы ощутили фронтовую обстановку, почувствовали страх маленькой девочки, в одиночку прошедшей линию фронта, подозрительность, может быть и оправданную, военных по отношению к мирным жителям, встречавшим их как освободителей, как своих. Тем обиднее казались людям такие обвинения. Единичные случаи немилосердия по отношению к детям оставили глубокий след в их жизни. Раиса Степановна Горбаткова, у которой загноилась рана на ноге и которая потеряла способность ходить, рассказывает: «Врачи наши тоже были злые. Когда в 1943 году мама пошла в госпиталь, попросила, чтобы меня полечили, к нам пришла врачиха молодая, с накрашенными губами. Тогда все женщины совсем не красились, не до того было. Она посмотрела на ногу и сказала:

– Я шлюхе немецкой помогать не буду!

Она меня никогда не видела и ничего обо мне не знала, за что же она меня так обозвала и в помощи отказала? Мне всего 15 лет было, уже полгода я с кровати не вставала, какой немец на калеку глянет?!»

Мирным жителям, остававшимся здесь, нужно было как-то жить. Петр Егорович Журенко рассказывал нам, что большую часть поселка разминировали мальчишки. Даже был особый азарт: кто ловчее разминировывает противотанковую мину? А новой модификации? Правда, были и жертвы. Так, Сергей Богославский с другом нашли мину нового образца, с шариками, пытались ее разминировать, обоих убило насмерть. Мины разряжали и для того, чтобы добыть тол, которым растапливали печку. Этим занимались даже старушки. Гибли люди от этого занятия, но мальчишек это не останавливало. Рассказывает Любовь Павловна Моисеенко, по рассказам своего мужа Александра Ивановича: «Ребята собирали патроны, складывали их в большой немецкий котел с тяжелой крышкой, зажигали под ним костер. Сами прятались. Патроны взрывались под тяжелой крышкой и грохотали. Им было весело. Саша уговаривал пойти с ними и старшего брата Леню, который боялся и никуда не ходил. Но тот не соглашался. И тогда Саша принес Лене взрыватель и уговорил потянуть за колечко, чтобы повеселиться. Леня потянул и был тяжело ранен, лишился глаза». Опасность еще долго подстерегала людей.

Вспоминает Антонина Алексеевна Ниценко: «Когда летом 1943-го прислали солдатиков – совсем молоденьких, таких, как мы, – где-то лет по 17, то мы с сестрой интерес к жизни почувствовали: как же, женихи! Мы рады, сидим с ними на завалинке, семечки щелкаем. Привезли катюшу, поставили на Северной улице. Офицер знакомый сказал, когда она будет стрелять в сторону хутора Дараганы. Мы с сестрой, чтоб видно было, залезли на кучу глины (была во дворе, чтобы печку мазать). И когда катюша выстрелила, мы хорошо все видели, тут начали немцы из пушек садить по тому месту, где катюша стояла, а ее уже там и нет. Мы стоим, смот-

рим, семечки щелкаем. А солдатики перепугались, на землю попадали лицом вниз, руками головы позакрывали, а один плакал: „Хочу к маме!а Наша мама вышла, стала их обнимать, по головам гладить: „Ах, вы, курчата желторотые! Только от мамки, никогда на фронте не были!“ Мы-то на фронте все время жили, уже не боялись».

В июле 1943 года советские войска попытались прорвать фронт севернее Матвеева Кургана, но попытки эти вновь оказались неудачными. В самом же поселке до генерального наступления таких крупных операций не проводилось.

В первых числах августа Южный и Юго-Западный фронты получили приказ о подготовке нового наступления. Началось освобождение Донбасса. Очень интересно, что мы долгое время считали, что районный центр Матвеев Курган был освобожден 29 августа. Наши власти очень широко организуют торжества в поселке именно в этот день, а 17 февраля лишь последние два-три года как-то отмечается, но очень скромно. Может быть, в этом они и правы. Нельзя, наверное, считать полным освобождением день, когда опять вернулся фронт в поселок, и существование на линии фронта – не полное освобождение, а какое-то частичное. Будем и мы считать, что 29 августа Матвеев Курган перестал быть фронтовым населенным пунктом, что наконец можно было как-то начинать здесь мирную жизнь.

СИЛА ДУХА И ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Вспоминает Антонина Алексеевна Ниценко: «Смерть обыденной была. Только друг другу говорили: „Слышала, Галка умерла?“ или „Знаешь, Витьку убило“. Долго не горевали, горя и так кругом было столько, что если все время горевать, то и жить не сможешь».

Во что же верили люди, что позволяло им жить? Все говорили о том, что тогда они были милосерднее и открытее друг к другу, что, несмотря на голод, соседи старались помогать друг-другим, присматривали за детьми, делились последней едой, ходили в гости, часто отмечали как могли семейные праздники. Эта поддержка многим спасала жизнь, люди старались помнить добро. Действительно, перед лицом смерти, которая подстерегала на каждом шагу, неважными становились многие неприятности и мелочные счеты, из-за которых часто ссорятся даже близкие люди. «Сколько той жизни осталось, чтобы ссориться?» – слышали мы от наших собеседников. Нам кажется, что эта фраза родом оттуда, из тех военных лет.

Многих поддерживала вера в Бога. Вспоминает Любовь Корнеевна Авдеенко: «Нас с сестрами тетя Аксютa, с которой мы вместе в эвакуации жили, покрестила. Это было уже в Матвееве Кургане в октябре 1943 года. К бабушке Варe Бондаренко приехал тайно священник, покрестил всех нас у нее дома. Было так много детей, что тесно было стоять. Окна занавесили, чтобы никто посторонний не узнал. Крестные были из тех взрослых, что привели туда своих детей. У Анюты, у меня и у Дуси, которая на базаре торгует, одна крестная мать и один крестный отец. Если бы власти узнали, всем бы несдобровать. Но никто не выдал, Бог не допустил».

Мария Яковлевна Бобкова рассказала нам, как она работала в редакции, как в два часа ночи ходила принимать сводки Совинформбюро. Приемников не было, разрешили иметь только одному специальному человеку, он жил на улице Кирова. Она брала у него сводки, относила в редакцию, а наутро почтальоны разносили их по дворам. Она рассказала, как люди ждали вестей о наших победах, как радовались им. Мы думаем, что это тоже была сила, которая помогала выжить.

ЧТО ЖЕ МЫ ПОТЕРЯЛИ?

По Ростовской области специальные комиссии, работавшие в городах и районах области по учету нанесенного ущерба, составили 95,5 тысячи актов о материальном ущербе, причи-

ненном предприятиям местной промышленности, колхозам и отдельным гражданам. Общая сумма убытка составила 20 миллиардов рублей¹⁰.

В объяснительной записке Матвеево-Курганского военного комиссара к актам причиненного ущерба от 16 апреля 1943 года, составленным в селе Марьевка, сказано: «Разрушены полностью: Ново-Грековка, Ново-Ротовка, Ново-Марьевка, Александрфельд. Разрушены на две трети села: Матвеев Курган, Политотдельское, Больпе-Кирсаново, Ново-Андрианово, Ряженое. В Матвеевом Кургане до оккупации было 1200 домов, осталось 30–40, остальные сожжены и уничтожены». Документ снабжен постскриптумом: «Составленный акт далеко не полностью охватывает все события и убытки, причиненные району, так как одна третья часть района еще находится в немецкой оккупации»¹¹.

Люди возвращались в родные места, в Матвеев Курган, после освобождения. Часто им просто негде было жить. Вспоминает Елена Николаевна Белошенко: «Когда немцев прогнали, мы вернулись. В ямах, где спрятали добро, ничего нет. Дома нет, сожгли немцы в 41-м. Выкопали мы, мать и три сестры, землянку, жили в ней до 1950 года». Лидия Кирилловна Чумаченко, 1936 года рождения, рассказывает: «Вернулись мы в поселок на родовую усадьбу на улице Восточной осенью 1943 года. От дома остались стены и часть крыши. Мы отгородили эту часть дома хворостом, завесили тряпьем, поставили там печку, так жили до конца войны».

Мы узнали, какой огромный материальный ущерб был нанесен нашему району. Здесь разрушили почти все. Эти материальные ценности – дома, предприятия, машины и оборудование – позволяли людям нормально жить, пусть и без большого достатка. Теперь же у них была не жизнь, а выживание. Последний документ привлек наше особое внимание: «О сборе семенного материала на посев в 1944 году»¹². На заседании бюро райкома партии было решено «собрать из своих личных запасов возможное количество семенных материалов яровых культур. На второй день после собрания было сдано в коллективные хозяйства 1293 кг зерна и прочих культур». У голодающих людей, не имеющих возможности выращивать даже огород на линии фронта, собирали зерно для сева. Мы понимаем, что вся страна жила трудно, что, может быть, другого пути не было, но это кажется нам даже какой-то особой жестокостью. Все наши очевидцы вспоминают, что люди пухли от голода, умирали, что питались макухой, корой с яблонь, а по весне – всякой травой, и тем не менее власти смогли собрать столько килограммов зерна, забрать его на сев у голодных людей.

В протоколе № 19 заседания Бюро РК ВКП (б) от 3 декабря 1943 года с повесткой дня: «Отчет о работе отдела кадров» записано: «В районе имеется 99 человек инвалидов войны... 206 детей сирот и полусирот, родители которых погибли».

Далее в отчете сказано, как устроены эти дети: «В детские дома – 40 человек, в специальные ремесленные училища – 34 человека, в военную школу связи – 10 человек. Остальные дети оформлены в обычные детские дома»¹³. Нам кажется, что мы и сегодня платим по счетам той войны, за победу, которая «одна на всех».

КРАТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Что нам дала эта работа? Мы поняли важность нашего труда: если не узнаем о лишениях людей в годы войны, если забудем о могилах под ногами, о жизнях, оборванных войной, то не узнаем и цены всего, достигнутого за годы, прошедшие после ее окончания.

---

¹⁰ История Донского края. Ростов-н/Д: Ростовское книжное издательство, 1971. С. 269–270.

¹¹ Архив. Ф. 1. Д. 2. Л. 38.

¹² Архив. Ф. 66. Оп. 2. Д. 1. Л. 112 (протокол № 18 от 3 декабря 1943 года).

¹³ Там же. Л. 143–144.

Мы почувствовали себя исследователями: открытие нового, неизвестного, того, что власти раньше старались скрыть, принесло нам уверенность в своих силах. Мы поняли: правда, пусть горькая и трагичная, важнее каких-то соображений личной выгоды и других, которые кому-то кажутся более предпочтительными.

Мы стали больше ценить победу, тех людей, в том числе и детей, которые ее выстрадали и не сломались.

Мы узнали о могилах под нашим поселком, в буквальном смысле слова у нас под ногами, задумались над проблемой их перезахоронения. Хотя мы осознаем, что во многих случаях это, наверное, невозможно. Также нас потрясло количество погибших здесь людей, солдат, мирных жителей, немцев, румын, казаков и других.

Мы столкнулись с тем, что в нашем поселке очень немного людей имеют медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Это связано с тем, что власти не доверяли людям, которые были в оккупации. Но эти люди нуждаются в защите своих прав. Мы считаем, что детям войны надо дать льготы, не только тем, кто родился до 1931 года, но и другим, более младшим, особенно жителям фронтовой полосы. Эта мелочность государства по отношению к людям, много страдавшим, удручает, особенно когда мы слышим об успехах в экономике и бюджете с профицитом.

Мы хотели дать на этих страницах слово людям, которых никто никогда не спрашивал, как они жили, чьего незаметного подвига и жизненной стойкости не ценили ни власти, ни даже порой их дети. А ведь они были тоже фронтовиками, пусть не внесенными ни в какие списки. 60-летие Победы – это и их праздник, хотя они не смогут надеть орденов. Они тоже трудились для этой Победы, заплатили за нее ту цену, которую потребовала война. Фактически они заплатили своим детством, своим здоровьем, жизнями своих близких, погибших в то страшное время. Теперь и мы знаем об этом.

«Радио „Информбюро“ сообщило, что идут ожесточенные бои на улицах Сталинграда»

**Ярослав Захарьев, г. Волгоград 11-й класс,
научный руководитель Н. Е. Архипова**

Человек, о котором я хочу рассказать, – моя родственница, судьба которой тесно связана с героическими и трагическими событиями в истории моего города. Это одна из моих прабабушек – Серафима Федоровна Воронина, старшая сестра моей прабабушки, Ирины Федоровны Ворониной. О судьбе Симы (так звали ее родные) семья узнала лишь через много лет после окончания Великой Отечественной войны – в 1973 году.

Семья Ворониных жила в Царицыне – Сталинграде. Ее глава – Федор Ерофеевич Воронин работал на мартене на металлургическом заводе «Красный Октябрь» с его основания французами в 1898 году. Завод расположен на правом берегу Волги, в семи километрах к северу от центра Царицына. К началу Великой Отечественной войны это был уже один из крупнейших металлургических заводов страны. Семья жила на улице Станичной, между двумя крупными заводами – «Красный Октябрь» и «Баррикады». В годы советской власти все пятеро детей Федора Ерофеевича получили высшее образование, чем родители очень гордились. В семье было четыре инженера и одна учительница русского языка и литературы – Серафима.

По воспоминаниям моей бабушки (Татьяны Петровны Лопатиной), запомнившимся ей из рассказов ее матери (Ирины Федоровны Ворониной), Серафима, старший ребенок в семье, прекрасно училась. Ее в виде исключения приняли в гимназию, после окончания которой она работала учительницей начальных классов. Позже Серафима поступила на заочное отделение Сталинградского педагогического института, диплом учителя она получила 25 июня 1941 года.

Когда фронт приблизился к Сталинграду, Серафима ушла из школы и поступила на завод «Баррикады», считая, что так она поможет защитить свой город. К началу кровопролитных боев на улицах города ей пришлось остаться с родителями, которые не могли эвакуироваться из-за ранения Федора Ерофеевича в ноги во время обстрела завода. После освобождения Сталинграда оставшиеся в живых соседи рассказали, что Сима была смертельно ранена и умерла, а о судьбе родителей никто ничего не мог сказать, их считали пропавшими без вести.

В 1973 году газета «Волгоградская правда» напечатала заметку, в которой сообщала, что в Волгоградский музей «Обороны Царицына и Сталинграда» поступил дневник неизвестной сталинградки. Его прислал бывший офицер, а после войны – учитель истории Я. И. Бридихин, который подобрал тетрадку, исписанную карандашом, освобождая в феврале 1943 года улицу Станичную. Он пронес ее через всю войну. Выйдя на пенсию, он решил передать эту тетрадь музею.

Тетрадь представляет собой дневник, где описываются страшные дни Сталинградской битвы в сентябре-октябре 1942 года. Запись заканчивается 25 октября 1942 года. На страницах тетради упоминаются фамилии и имена родственников, соседей, знакомых, по которым музей установил автора дневника. К сестрам Ирине Федоровне и Евгении Федоровне посыпались звонки: бывшие соседи, знакомые, да и сами сестры, сразу узнали сестру. Дневник сейчас хранится в музее «Сталинградская панорама», он является неопровержимым свидетельством страданий простых людей, оставшихся в пылающем городе.

Из «Хроники огненных дней. 17 июля 1942-го – 2 февраля 1943 года»¹⁴: «12 июля, воскресенье. 6-я полевая армия под командованием генерал-полковника Ф. Паулюса, выйдя к большой излучине Дона, вторглась в пределы Сталинградской области». 17 июля – официальная дата начала Сталинградской битвы.

Из воспоминаний секретаря обкома А. С. Чуянова: «19 августа Паулюс отдал приказ о наступлении на Сталинград. На всех без исключения улицах, во дворах, в городских садах и парках, у трамвайных остановок, на территории предприятий – всюду рыли земляные щели, сооружали блиндажи. К началу августа 1942 года в Сталинграде было вырыто 174 тысячи погонных метров щелей-укрытий, в них могли укрыться не менее 350 тысяч человек»¹⁵.

Рассказывает моя бабушка Татьяна Петровна Лопатина (Алексеева) (65 лет): «Со слов мамы, Ирины Федоровны Ворониной, я знаю, что, когда фронт приблизился к Сталинграду, все население сооружало блиндажи, их называли „щели“. Соорудили и в нашем дворе такую щель. Отец и дядя были хорошими инженерами, они так укрепили щель, что разрушить ее могло только прямое попадание бомбы. В этой щели спасались при всех бомбежках члены нашей семьи и соседи. После освобождения Сталинграда родственники нашли ее засыпанной, откапывать боялись, так как везде было много воронок, боялись неразорвавшихся снарядов».

Из «Хроники огненных дней»: «23 августа, воскресенье. Выполняя приказ Гитлера, фашисты подвергли Сталинград массовой бомбардировке. В течение дня было произведено две тысячи самолето-вылетов. Город был разрушен, десятки тысяч жителей ранены и погибли».

Вспоминает моя бабушка Татьяна Петровна: «Мама много раз рассказывала мне о страшных днях августа-сентября 1942 года. Мне в то время было три года четыре месяца. Вот что я помню из этих рассказов. Когда немцы стали продвигаться к Сталинграду, все заводы перешли на особый режим работы. Рабочие и служащие сутками не выходили с завода, даже женщины, имеющие маленьких детей. 23 августа маму отпустили на несколько часов домой. Только вышли из проходной завода, началась бомбежка. Она с подружкой расцеловалась на прощанье и упала под какие-то кусты. Вокруг творилось нечто страшное, ужас охватывал от мысли о том, что с ребенком и родителями. Как только появилась передышка, бегом помчалась домой. Родные были в щели, я (Татьяна) завалена подушками, только начинают их снимать, я начинала плакать и кричать: „Закройте ушки, мне страшно!“ Мама убедилась, что все живы и назад – на завод.

Эвакуационный листок ей выдали 12 сентября. Прибежала домой, одела почему-то все самое нарядное – шелковое платье, летнее пальто, модельные туфли, в сумку положила дипломы – свой и мужа, Сима собрала кое-какие вещи в небольшой чемодан. И так с ребенком на руках и чемоданом мама пошла на берег Волги. Только спустилась, началась бомбежка. Вокруг много женщин с детьми, военных. На берегу лежали трубы большого диаметра, не успели выполнить какие-то работы. Кто смог – залезли в эти трубы. Остались живы. Выползли на воздух, уже почти темно. Последние лодки с военными отчаливают от берега, никого из гражданских с собой не берут. Женщины плачут, умоляют. Вдруг один военный сказал: „Возьмем вот эту женщину (мamu), у нее самый маленький ребенок, но без вещей“. Мама бросила чемодан, села со мной в лодку, и мы поплыли. Когда доплыли до середины Волги, стало совсем темно. Вдруг – гул самолетов, появились осветительные ракеты, стало светло, почти как днем. Самолеты летели так низко, что мама хорошо видела летчиков. Застрочили пулеметы. Солдаты стали прыгать в воду, лодка перевернулась, и мама со мной оказалась в воде. Я сразу пошла ко дну, мама нырнула, схватила меня и попыталась плыть. Сделала несколько гребков и почувствовала, что тонет. Но тут нащупала ногами песчаное дно (на Волге часто бывают перекаты

---

¹⁴ Хроника огненных дней. 17 июля 1942-го – 2 февраля 1943 года. Волгоград, 1993.

¹⁵ Чуянов А.С. На стремнине века: Записки секретаря обкома. М.: Политиздат, 1976.

дна), стала идти по дну и вышла на небольшую песчаную косу. Самолеты продолжали стрелять, она закрыла меня своим телом и так лежала, пока фашисты не улетели. По Волге продолжали плыть люди, кто на чем: лодки, плоты, бревна. Все стонало, кричало, звало на помощь. Какая-то лодка взяла и нас. Так мы оказались на левом берегу. Обстрелы продолжались до утра. Всех, кто добрался до Заволжья, собирали в оврагах до утра. Мама со слезами рассказывала, как я молилась, меня научила бабушка молитве „Живые помощи“, часть молитвы я забыла и очень просила, чтобы мама подсказала. Но мама не знала ни одной молитвы. Так мы с ней и шептались: „Живые помощи, живые помощи...“ За Волгой нас нашел отец, и мы уехали с заводом на Урал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.